

ПАМЯТИ
ОТЦА ВАСИЛИЯ
ЗЕНЬКОВСКОГО

Р.С.Х.Д.

ПАМЯТИ

ОТЦА ВАСИЛИЯ

ЗЕНЬКОВСКОГО

Р.С.Х.Д.
1984

© A.C.E.R., 1984
91, rue Olivier de Serres, 75015 Paris

ВСТУПЛЕНИЕ

Настоящий Сборник посвящен отцу Василию Зеньковскому, профессору Богословского Института в Париже, автору многочисленных трудов и первому председателю Русского Студенческого Христианского Движения с 1923 года, остававшемуся на этом посту 39 лет, до самой своей кончины.

Сборник этот состоит из четырех частей.

В первой даны краткие биографические сведения об отце Василии.

Во второй части мы помещаем статьи, напечатанные в Вестнике Р.С.Х.Д. № 66-67, III-IV, 1962, год кончины о. Василия.

Одни статьи приводятся нами полностью, другие в сокращенном виде. Из некоторых же, во избежание повторений, мы приводим только небольшие выдержки.

Статья С.С. Верховского, взятая нами из "Нового журнала" № 70, дек. 1962 год, помещается с небольшими сокращениями.

Третья часть содержит речи, произнесенные на вечере памяти отца Василия, по случаю столетия со дня его рождения. Вечер этот, организованный совместно Богословским Институтом в Париже, Р.С.Х.Д. и церковью Введения во храм Пресвятой Богородицы, состоялся 17 апреля 1983 года в помещении Движения.

Четвертая часть — отец Василий Зеньковский о себе самом — содержит как статьи уже напечатанные, так и отрывки из его воспоминаний, нигде до сих пор не появлявшихся — "Из моей жизни" и "Моим друзьям".

К сожалению, до нас дошло далеко не все написанное отцом Василием о себе. Некоторые его записи утеряны, другие находятся в США, в отделе архивов Колумбийского университета.

В конце помещаем краткую библиографию трудов отца Василия.

Материал, помещаемый в этой книге, отражает в оценках авторов их собственный подход к проблемам, интересовавшим о. Василия и к решениям, которые он, занимая ответственные посты во многих организациях, мог принимать.

Е.Н. Берг

А.В. Морозов

**КРАТКИЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ
О. ПРОТОПРЕСВИТЕРА
ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЗЕНЬКОВСКОГО
(1881-1962)**

(Слово, сказанное на вечере памяти о. Василия
17 апреля 1983 г.)

Василий Васильевич родился в Проскурове, Подольской губернии, городе, который писатель Александр Иванович Куприн избрал местом действия для своего романа "Поединок", пользовавшегося в свое время большим успехом у русской читающей публики.

Внук священника и сын чиновника, состоявшего некоторое время церковным старостой, Василий Васильевич рано соприкоснулся с церковью, с богослужением — он даже пел в церковном хоре, — но ему не удалось избежать, в гимназическое время его жизни, полного отхода от веры, увлечения материализмом и так далее... В старших классах наступило отрезвление... Встречи с убежденными верующими, влияние законоучителя гимназии о. Андрея Коровицкого, очень образованного и умного священника, и одного из учителей, вернули его от материализма к вере, побудившей его обратиться к истокам — отцам и учителям Церкви. К этому времени отно-

сится "первая личная драма, охладившая душу". Об этом Василий Васильевич пишет глухо, не приводя никаких подробностей.

В 1903-м году мы находим В.В. студентом 3-го курса Естественного Отделения физико-математического факультета Киевского университета святого Владимира. Всего В.В. пробыл в университете *девять лет*: с 1900-го по 1904 на естественном факультете, и второй период, с осени 1904-го по 1909-й, т.к. по сдаче всех зачетов по естественному факультету он поступил на историко-филологический факультет, философское отделение, которое он сменил впоследствии на классическое отделение. В своих дальнейших записях В.В. высказывает сожаление, что он потратил столь продолжительное время на университетские занятия. Увлечение наукой мешало ему устроить свою личную жизнь. По окончании философского отделения он получил предложение от факультета остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Он согласился. Так прошел девятый год его университетской жизни. В 1912-м году он защитил диссертацию для получения степени магистра философии и был избран, путем баллотировки в совете профессоров, экстраординарным профессором по кафедре философии с обязательством чтения курса лекций. В.В. рассказывал не без юмора, что число поданных в его пользу профессорских голосов было, видимо, достаточно для получения кафедры, но не намного выше необходимого минимума, так как декан факультета сказал ему: "Маловато, но все же поздравляю".

Революция 1917-го года и вихрь гражданской войны захватили и Василия Васильевича, профессора Киевского университета. Победа союзных держав в ноябре 1918-го года и крушение Германской Империи положили конец австро-германской оккупации Украины. С уходом оккупационных войск наступила хаотическая смена правительств в Киеве (этих смен было четырнадцать!). Василию Васильевичу при-

шлось разделить участь очень многих из нас и покинуть родину.

Белград, Прага, три года, с 1923 по 1926 год, с основанием Движения в 1923 году. В Париже В.В. утвердился в 1926 году, где он остался до самой смерти, если не считать его многочисленных путешествий, в том числе в Соединенные Штаты Северной Америки. Начало Второй мировой войны в сентябре 1939 года ознаменовалось для В.В. неожиданным арестом, о котором отец Василий рассказывает в своих воспоминаниях. Давняя мысль Василия Васильевича о принятии священства окончательно созрела во время заключения. В марте 1942 года Митрополит Евлогий рукоположил его в священный сан.

Духовный руководитель Движения о. Сергей Четвериков все время войны провел вне Франции. Находясь в Валаамском монастыре, он принял схиму. Во Францию он больше не вернулся и последние годы своей жизни провел у сына в Братиславе.

Приняв священный сан, о. Василий постепенно занял место духовного руководителя Движения, оставаясь его председателем. Он был причислен к клиру Введенской церкви. Получилось парадоксальное положение: т.к. за свои заслуги перед Церковью о. Василий был возведен в сан протопресвитера, а о. Виктор Юрьев, ставший настоятелем Введенской церкви, в 1939 году, пребывал по-прежнему в сане протоиерея, о. Василий, будучи старшив в сане, занимал во время богослужения второе место. Доходило даже до того, что во время литургии о. Василий выходил из алтаря в храм читать замвонную молитву, что обычно поручается самому младшему из священников. С.С. Верховский, зять о. Сергия Четверикова, тоже богослов, замечал не без иронии, что такое явление возможно только в Введенской церкви.

Справедливость требует отметить, что отношения между о. Василием и о. Виктором, впоследствии тоже возведенном

в сан протопресвитера, были идеальными. За все время их совместного служения с 1942 по 1962 год между ними не возникло и тени недоразумения или несогласия. В 1953-м году о. Василий совершил свое последнее путешествие в Соединенные Штаты, на общий съезд Движения. Председателем Движения в США был профессор Карпович. Общий съезд выработал новый устав Движения, который, к сожалению, многих не удовлетворил. Общий съезд 1980-го года внес много улучшений, но это произошло через 18 лет после кончины о. Василия.

О. Василий скончался 5 августа 1962 года. По странному совпадению, этот день был отмечен происшествием в Кафедральном соборе св. Александра Невского: во время всенощного бдения, как только о. А. Чекан внес Евангелие в алтарь после его прочтения на утрени, большой камень оторвался от свода и упал на солею, по которой только что прошел о. Александр, неся Евангелие. Этот инцидент повел к полному техническому пересмотру состояния здания собора, которому исполнилось сто лет в 1962 году, и началу работ по его ремонту, которые продолжают по сей день.

Похоронен о. Василий на кладбище Сент-Женевьев де Буа, предместье Парижа.

I

Прот. А. Князев

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ ЗЕНЬКОВСКИЙ

О покойном отце Василии хочется сказать очень многое. Это желание и чувство сейчас разделяют многие из нас. Они продиктованы как скорбью по ушедшем, так и острым восприятием той воистину зияющей пустоты, которую смерть отца Василия породила, как в рядах русской науки и мысли, так и в православной церковной общественности и, тоже, во многих и многих душах. Отец Василий покинул этот мир после долгой и тяжелой болезни, которая, хотя и медленно, но верно делала свое разрушительное дело на виду у всех его близких и друзей. И, тем не менее, кончина отца Василия оказалась для всех полной неожиданностью, потому что уже давно, за десятилетия своей многосторонней и разнообразной деятельности покойный отец Василий для многих, если не для всех, занял место решающего авторитета в вопросах самых важных, и притом, самого разнообразного характер и порядка.

Он был одним из самых выдающихся представителей русской старой университетской науки, достигшей столь удивительного блеска перед войной 1914 года. Свою ученую карьеру он начал с естественных наук, чтобы от них перейти к философии, психологии и педагогике, а затем, уже здесь,

заграницей, оказаться пионером в деле создания христианской антропологии, то есть, христианской науки о человеке, дисциплины почти не существовавшей до самых наших дней. Он был одним из основателей парижского Русского Богословского Института имени преп. Сергия Радонежского. С первого дня его существования до самой своей кончины о. Василий вел в Богословском Институте преподавание всех философских дисциплин, а после смерти о.Сергия Булгакова он стал его бессменным деканом. В 1924 году, когда возродилось заграницей возникшее перед великой войной в России Русское Студенческое Христианское Движение, о.Василий, тогда еще профессор Василий Васильевич Зеньковский, был избран его председателем и на этом посту он тоже оставался до самой своей кончины. В 1942 году, по настоянию покойного митрополита Евлогия — и по собственному влечению, В.В.Зеньковский принял священство. Став священником, о.Василий вдруг по-новому вырос и расцвел и, притом, с удивительной быстротой. В Движении, когда умер о.Сергий Четвериков, о.Василий Зеньковский сразу занял положение фактического общепризнанного духовного руководителя всей организации. Особо надо отметить в связи с памятью об о.Василии, то, что он, при всем этом, оказался духовным отцом целого сонма душ. Среди его духовных чад были как миряне, так и многочисленные священники, как старшее поколение, так и молодежь, как люди высокообразованные, так и некнижные простецы.

С ним я встретился впервые в 1933 г., когда я вступил в Русское Студенческое Христианское Движение. Сблизился с о.Василием я, главным образом, через Введенскую церковь, где мы вместе трудились: он был церковным старостой, а я — прислужником и чтецом. Каждый год мы оба, перед светлой заутреней, принимали участие в чтении Деяний Апостольских, причем он неизменно просил, чтобы оставили на его долю рассказ о посещении ап.Павла Афин, столицы ан-

тичного любомудрия, и о проповеди апостола языков перед представителями греческой философии, собравшимися на афинском Ареопаге. Скоро в Богословском Институте я стал слушать лекции о.Василия по философии, психологии и апологетике. Его религиозный подход к философии и психологии, которые я уже прослушал в светской школе, помог мне усвоить целостное представление об этих дисциплинах. Но когда передо мной открылась ученая и профессорская деятельность, я не пошел по чисто-философскому пути отца Василия. Зато, когда я принимал священство, это он был моим руководителем: он был свидетелем моей ставленнической исповеди, он остался после этого моим духовным отцом до самой своей смерти. Поэтому я посвящу оставшуюся часть моего слова духовническому дару о.Василия. Я сделаю попытку определить, в чем заключалась та главная духовная помощь, которую обрели у о.Василия все бесчисленные духовные чада, толпившиеся перед исповедальней в Введенской церкви, или ожидающие своей очереди перед дверями скромной квартиры о.Василия на улице Georges Pitard.

Отец Василий был от природы человеком религиозно одаренным. Свою природную религиозность он приумножил и развил выполнением ежедневного молитвенного правила и не взирая на все свои не поддающиеся учету остальные обязанности, таким же неуклонным, ежедневным молитвенным чтением Священного Писания как Ветхого, так и Нового Завета, прибавляя к этому и чтения из духовной письменности. Он был тоже человеком и редкой природной доброты, которая, несомненно, составляла главную отличительную черту его характера. Она и помогала ему быть уже заранее открытым для всякого, приходящего к нему. К сказанному присоединялся весь огромный опыт, накопленный о.Василием: общественный, научный, общественно-церковный. Этот опыт позволил отцу Василию, в момент принятия священства, быть обладателем всестороннего знания о человеке, как

научного, теоретического знания о человеке, так и жизненного, прикладного. Претворенное благодатью священства, все это богатство человечности, любви и знания позволяло отцу Василию, как духовнику, с особой силой убедительности раскрывать каждому всю правду о нем самом и, тем самым, ставить его на путь, ведущий к жизненному знанию Бога.

Поэтому никто другой не умел так, как это умел покойный о.Василий, легко и быстро помочь человеку разобраться в запутанности своего внутреннего мира, а также и в омраченной грехом такой же сложности его внешних отношений личных, семейных, общественных и часто, увы, и церковных. Никто как он не устранял так убедительно и умело те ложные препятствия к вере в Бога, которые невежество, незнание, псевдо-наука, а, иногда, и закоренелость в грехе стремятся воздвигнуть в нашем мире между душой и Богом. Никто как он так не вооружал терпением души скрупулезные, сомневающиеся в возможности для них спасения, внушая веру в добро, в свет Христов, просвещающий и освящающий всякого человека, неутомимо повторяя им истину, засвидетельствованную сыном Сираховым о том, что Премудрость приходит в мир извилистыми путями, то-есть, о том, что знание Бога, понимание его путей и умение жить согласно Его воле не обязательно приходит в души быстро и просто, но иногда, после долгих исканий, испытаний и срывов. Это, конечно, утешало, ободряло, но тоже заставляло кающихся трудиться над собой. Но, порой, все это, вместе соединенное, позволяло покойному о.Василию приводить души кающихся к подлинному, чудесному, благодатному обращению. Поставляемые им пред Богом, иногда во всей суровой правде о себе, но согреваемые при этом любовью Божией, обращенной к ним через любовь и благость о.Василия, они вдруг открывали, что они тоже сыны Авраамовы, иначе говоря, что и они несут в себе образ Божий, где-то светящийся в них, несмотря на глубину их греха, что Бог их тоже любит, что и

для них пришел Христос, что для них открылось Царствие. Повторилось чудо обращения Закхея. Для души начиналась новая, светлая, благодатная жизнь.

Около столетия тому назад, десницею великого русского святителя, митрополита московского Филарета, был призван ко священству профессор церковной истории Александр Васильевич Горский. Рукоположение А.В.Горского было событием в истории православного пастырства: им было положено начало русскому мирскому ученому священству. В начале русской революции, в той же Москве, по благословению другого великого святителя русской православной Церкви, святейшего патриарха Тихона, был рукоположен в иереи профессор Сергей Николаевич Булгаков, тоже выдающийся ученый и мыслитель. Став отцом Сергием Булгаковым, он еще более прославил русскую религиозную мысль, а вместе с ней и русское литургическое благочестие и русское духовничество. А в 1942 г., здесь, в рассеянии, митрополит Евлогий, который, без всякого сомнения, тоже может быть причислен к сонму крупнейших русских иерархов, рукоположил заслуженного профессора и философа Василия Васильевича Зеньковского, который сделался нами ныне оплакиваемым отцом Василием. Это рукоположение составило бы тоже событие первой важности в истории русского, и, вообще, в истории православного пастырства. Оно определило возможный, новый курс этой истории на многие десятилетия, если не на столетия. Оно показало новый путь, открывающийся перед православным пастырством в наши дни. Не говоря о прочих заслугах о.Василия, в частности, о том, что сделано им в области православной философии, можно с уверенностью сказать, что именно о.Василию было дано воочию явить в его священствовании, каким духоносным и незамеченным орудием, вместе с личной духовностью, могут оказаться в деле окормления христианских душ наука, культура и знание, освященные духом благодати. И, несомненно,

в наше трудное время дух Божий, через пример отца Василия, определенно велел православному пастырству решительно встать на этот путь, хотя и новый, но уже сравнительно давно пред ним намечавшийся. От осознания его необходимости и неизбежности зависит во многом обновление церковной исторической действительности. В принятии его и следовании ему — залог многих побед веры над современным неверием. И, потому, в селения праведных да примет Господь благую душу почившего отца Василия, который возлюбил воистину много и тем самым великим оказался по плодам всего сотворенного им на этой земле.

Борис Зайцев

УШЕДШЕМУ

В России мне не приходилось встречаться с о.Василием (он не был тогда священником и лекции читал не в Москве). И в эмиграции помню его еще штатским, на 10, boul. Montparnasse, где обитала тогда УМСА. Там выступал живописный Бердяев, Вышеславцев и элегантный о.Сергий Булгаков.

Многое говорилось, не помню точно о чем, но о "божественном" разумеется.

Василий Васильевич Зеньковский был вот какой: в очках, в сером костюме, приветливый и благосклонный, от слов его, от улыбки, всего существа исходило некое благоволение.

Оно прочно сидело в нем. Он и сам ученый, профессор, автор книг разнообразных (не мне судить о них, по существу, но то, что я читал, глубоко-серьезно и как-то внутренне честно. Это чувствуется). Книги... — мало ли все мы, писатели, пишем книг, этим в сословии нашем не удивишь, а вот направленность к людям, сердцам человеческим, к молодежи — этого я у нашего брата мало встречал — у философов ли, поэтов, беллетристов — и сам дару такому завидую и ценю его высоко.

У о.Василия именно это и было. Его к людям тянуло, и

не затем, чтобы навязывать им что-то, а чтобы передавать свет, знания, благодать. Но для этого надо иметь душу приемницу, душу передатчицу, вот тогда будет общение. Видимо, всегда влекло к этому Василия Васильевича Зеньковского, профессора, писателя и педагога в сереньком костюме. Не удивительно, что будучи всегда христианином, он в некую минуту из профессора христианской философии, психологии обратился в священника о.Василия, в рясе и с крестом на груди. Ряса не помешала ему впоследствии написать ни "Апологетику", ни недавно вышедшего "Тоголя", ни разное другое, но она еще приблизила его к человечеству, на природную его склонность наложила особый, выше-мистический оттенок. Вот он исповедует перед причастием, он должен ободрять, укреплять, утешать — тут особенное поле его делания. И это чувствуют. Сразу почувствовали в нем "пастыря доброго". Мягкость, сочувствие, излучение какого-то природного оптимизма, человечность — как нуждается в этом несущее крест человечество!

А когда говорил о.Василий в храме — всегда кратко, просто и содержательно — речь его доходила особенно.

Неудивительно, что он так сросся и с Русским Студенческим Христианским Движением — Р.С.Х.Д. Молодежь — его поле. "Вышел сеятель сеять" в юные души — он, глава всего Движения (одной из немногих надежд эмиграции). Глава не только формально, но душою и сердцем. Это чувствуют, разумеется, юноши, с разных концов Франции и Европы съезжающиеся на съезды, чувствуют, что они в верных руках. "Я по-настоящему у себя дома именно в нашем Движении", — сказал он мне как-то. Не сомневаюсь, что и для "них" он был неким краеугольным камнем. Настоящий, духом и телом, пастырь.

Эти последние годы жизнь моя так сложилась, что о.Василий постоянно, с огромной внимательностью и неутомимостью, несмотря на годы свои и немощи, приезжал по утрам

к нам со св. Дарами, причащать жену мою и меня. Иногда получал я небольшие записочки от него, что приходится несколько отложить из-за нездоровья. Но потом все наверстывалось, и этот старый, больной человек всегда входит с улыбкою и оживлением в наш дом, принося с собой Свет Христов. "Я встаю в шесть часов утра и несколько работаю сначала..." — говорил он. Так вот и начинался его труднический, во многом подвижнический и аскетический день.

Но настал час, когда ему самому, врачу духовному, пришлось отдаться в руки врачей плоти. Он оказался в госпитале — Божон. Шли слухи в нашем миреке, что дело серьезно. Так оно и оказалось.

Когда мы с дочерью навестили его в маленькой — все же отдельной — комнатке огромной "врачебной фабрики" за Porte Clichy, это был уже не тот о.Василий, который на моей квартирке говорил нам с женой, держа Чашу, вечные слова: "Пийте от нея вси, сия есть кровь моя Нового Завета..." Перед нами теперь полусидел-полулежал худенький, маленький человек, с трудом произносивший несколько слов. Но глаза его стали больше и красивее.

Нельзя сказать, чтобы он был заброшен, одинок в беде. За ним верно ходили и Н.К.Рауш, Т.И.Смоленская, И.Б.Чеснокова, О.С.Субботина и А.В.Морозова.

"Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа".

Мы обнялись на прощание и поцеловались — ему не так легко было и приподняться. Я знал, что это уже в последний раз. Так оно и вышло. И в положенный день, в церкви на Olivier de Serres, земно поклонился я уже праху его в гробу.

"Вечная память..." — пел тогда хор. Он правильно пел. Да, вечная ему память.

И.В. Морозов

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ — ДРУГ МОЛОДЕЖИ

Мне суждено было 17 лет быть близким сотрудником о.Василия, и общался я с ним прежде всего не как с профессором богословия, не как с крупным специалистом по вопросам философии, психологии, а как с человеком. И любил я, скажу более, восхищался отцом Василием, ибо встречал в нем такие удивительные качества души, которые всегда меня и поражали и вдохновляли.

О.Василий был редким культурным человеком, с громадным багажом знаний, но это не породило в нем ни самодовольной самоуверенности, ни чувства своего личного превосходства, наоборот, он был удивительно прост в обращении. О.Василий был тем редким человеком, который не на словах только проповедовал, но и в жизни, что каждый человек — величайшая ценность. В своем отношении к человеку он проявлял исключительную заботу и любовь к каждому, приходившему к нему. Все находили у него подлинное внимание ко всем своим трудностям и настоящую готовность оказать посильную помощь в преодолении их. О.Василий любил составлять свой бюджет времени, в котором точно распределял время своим многочисленным делам и, несомненно, особое и немалое место уделял он в своем бюджете времени именно

Фотография 40-х годов.

всякому, приходящему к нему. Неудивительно поэтому, что у гроба о.Василия стеклось столь большое количество народа, пришедшего поклониться тому, кто жизнью своей явил к ним подлинную христианскую любовь.

Отец Василий всю жизнь боролся с идеей секуляризации культуры и мечтал о том, чтобы человек снова все свои творческие силы отдал бы на служение Богу. Он не ограничился теоретическим анализом этого вопроса, а искал конкретных путей, которые позволили бы от слова перейти к делу. И таким делом для него явилась забота о христианском воспитании нашего юношества и молодежи, которым он отдал больше половины своих дарований и все свое сердце. Отец Василий был основателем, вдохновителем и руководителем всей работы Русского Студенческого Христианского Движения, задачу которого он понимал прежде всего в том, чтобы молодежь привести ко Христу, к Церкви, затем утвердить ее в жизни Церкви и сделать из нее сознательных и ответственных строителей жизни Церкви, которые готовы были бы с ранней молодости отдать свои силы, свои дарования на служение Христу. Отцу Василию была именно дорога мысль, чтобы наша жизнь, все творческие усилия человека во всех его сферах деятельности вдохновлялись бы правдой Христовой, были бы направлены к тому, чтобы явить эту правду как в нашей личной жизни, так и в общественной жизни, чтобы произошло реальное оцерковление всей нашей жизни. Отец Василий стремился к тому, чтобы Церковь Христова не была убежищем, последним жизненным утешением для людей только преклонного возраста, а чтобы она была той силой, где и молодежь черпала бы силы для построения всей своей жизни. В ряде своих книг, о.Василий стремится дать христианское решение вопросам, связанным с проблемами воспитания детей, юношества и молодежи. В 1924 г. появляется его замечательная книга "Психология детства", затем книга, посвященная юношеству: "На пороге зрелости" и

в 1934 г. "Проблемы христианского воспитания в свете христианской антропологии". Помимо этого, о.Василий с 1927 г. по 1961 г. редактирует "Религиозно-педагогический бюллетень", посвященный вопросам христианской педагогики.

Все эти книги, как и все многочисленные статьи в бюллетене, имеют своей целью дать теоретическое обоснование проблемам христианского воспитания и стремятся помочь молодежи преодолеть как соблазны современного атеизма, так и избежать моральных ошибок в ранней молодости.

Неудивительно поэтому, что о.Василий посвятил так много своих сил работе Русского Студенческого Христианского Движения, которое он очень любил. Его последним заветом было "Берегите Движение". Сам он мыслил Движение как живую силу Церкви, как организм, который формирует церковную интеллигенцию, задачу коей он видел в построении православной культуры. Идея построения православной культуры была необычайно дорогой и близкой ему идеей, что и привело его к созданию "Лиги православной культуры". Этим проблемам и были посвящены как сборник "Православие и культура", вышедший в Берлине (1923) под редакцией о.Василия, так и его исследование, посвященное творчеству Н.В.Гоголя. О.Василий видел в лице Н.В.Гоголя одного из основоположников идеи православной культуры, поэтому-то исследованием творчества Гоголя он с перерывами занимался всю свою жизнь, в результате чего и появилась в 1960 г. его книга: "Н.В.Гоголь (жизнь и творчество)".

Усилиями о.Василия были организованы ряд съездов, посвященных именно проблемам православной культуры, к участию в которых о.Василий привлекал видных богословов всей Православной Церкви...

А сколько усилий отдал о.Василий тому, чтобы работа Р.С.Х.Д. ширилась и росла, начало которой было положено в 1923 г. на съезде в Пшерове (Чехословакия). Широко раз-

вернулась работа во Франции, Германии, Англии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии, где устраивались съезды, летние лагеря, кружки по изучению православия, русской культуры, воскресно-четверговые школы, работа с юношеством. Тысячи детей и молодежи, благодаря участию в жизни и работе Р.С.Х.Д., получили возможность приобщиться к богатству Православной Церкви и почерпнуть в христианстве основы для построения своей жизни. Большинство из них с чувством глубочайшего сожаления узнало о кончине своего бессменного председателя, трудами и усилиями которого было столь многое сделано, чтобы эти тысячи молодежи обрели в христианстве смысл своей жизни.

Ценно было в о.Василии его удивительно бережное отношение к свободе человека. Он никогда не делал никаких попыток хотя бы как-то ограничить человеческую свободу, которую часто стремятся сократить, ибо боятся, что свобода может нанести урон истине. Отец Василий не боялся исканий в свободе, ибо глубоко был убежден, что подлинно ищущее сердце всегда придет к истине, которая обладает внутренней убедительностью, и что истина не терпит ни принуждения, ни насилия, ни ограждения, и что открывается она только на путях свободы. К тому же о.Василий звал, чтобы, именно, в стенах Церкви протекала вся творческая деятельность человека, а творчество вне свободы немыслимо. В 1929 г. отец Василий писал в Вестнике Р.С.Х.Д.: "Церковь не нуждается в цензуре, она жива подлинным и свободным признанием ее непобедимой правды, — и только на пути свободы Церковь может вновь занять то место в истории, в системе культуры, которое ей по праву принадлежит".

Громадная заслуга о.Василия заключается в том, что он был настоящим защитником свободы и Движение он направлял идти по пути верности свободе. "Я утверждаю, — писал он в 1929 г., — что Движение не только само идет путем свободы

в искании церковной культуры, но что оно на знамени своем несет девиз свободы, что вся идеология Движения связана с принципом свободы". Там же он писал: "Движение верит в творческие силы самой Церкви, а не в внешние для нее силы", поэтому-то он столь терпим был к чужим мнениям, умел терпимо относиться к инакомыслящим.

Отец Василий был наделен редким даром умения прислушиваться к мнению других. И в своей работе с молодежью он прежде всего приучал молодежь к тому, чтобы она была бы открыта, терпима к исканиям своих окружающих, чтобы она училась бы *находить истину, внутреннее единство именно на путях соборования*. Отец Василий писал: "Движение, конечно, ничем не может удержать в своих рядах молодежь, кроме глубиной и горячей, но и свободной преданности Церкви".

Отец Василий все делал, чтобы молодежь оставалась бы верной Христу, Его истине, но не на путях принуждения внешнего авторитета, а только на путях свободной преданности Церкви...

Отец Василий по-настоящему любил лишь две сферы ценностей: творческую жизнь в научной работе, то есть, свою научную работу, и человека. Научная работа отцу Василию была дороже всего на свете. Немногие по всей вероятности, согласятся с этим, ибо этого нельзя было заметить при личном общении с ним, но в действительности это было так. Для о.Василия христианство было прежде всего творческая жизнь. Как часто многим в христианстве кажется, что христианство и знание несовместимы, что христианство и творчество — это два понятия чуждые друг другу, тогда как о.Василий думал как раз наоборот...

В нем ценно было именно то, что он всю жизнь проповедовал, что христианство это не окаменевшее нечувствие, а что христианству присущи творческая жизнь, подлинная свобода, жертвенное служение правде Христа, истинное знание. Он никогда не грешил бездушным христианским

формализмом и никогда не ставил почитание субботы выше человека, а всегда ставил человека выше субботы. Живой конкретный человек для о.Василия был дороже отвлеченного понятия добра...

О.Василий был служителем подлинных ценностей и никогда не соскальзывал на путь абсолютизации относительных и преходящих ценностей. Ценно именно то, что у него главное всегда занимало главное место, а маленькому, относительному отводилось свое малое место.

Поэтому в заключение я хочу указать, что для меня о.Василий прежде всего был глашатаем не того добра, про которое столь глубоко сказал Гоголь: "Грустно, что в добре нет добра", а именно того добра, в котором всегда светилося подлинное добро. И защищал он его не только словом, но и своей жизнью. Все те, кто близко соприкасались с отцом Василием, знают на своем опыте, сколько любви, ласки излучало его христианское сердце.

Меня лично не столько поражало в о.Василии его участие в несении тягот его духовных чад, сколько его соучастие в радостях, в успехах других. Обычно человек еще способен откликнуться, помочь страданиям другого, ибо это его ставит в положение благодетеля к испытывающему страдание, и очень редко человек способен порадоваться успеху другого. Немногие способны незаинтересованно подбодрить своего близкого в успехах его. А о.Василий, прежде всего, способен был сорадоваться успеху других, ибо для него важно было, чтобы добро умножалось, росло, крепло, преуспевало в Церкви, в жизни каждого из нас.

Как часто мне приходилось быть свидетелем, как в комнате отца Василия его сотрудники рассказывали ему о своей работе, о том, что им удалось сделать, и как, с сияющей улыбкой, сидел он в своем небольшом кресле и сорадовался своему сотруднику чистосердечно и искренно, как обычно сорадуются только любящие матери своим детям.

Я благодарю Бога, что Господь дал мне возможность быть соратником такого удивительного человека, который был мне учителем, наставником и настоящим отцом, встреча с которым, там у Престола Божьего, будет для меня величайшей радостью.

Никита Струве

ПАМЯТИ ОТЦА ВАСИЛИЯ

Прежде чем приступить, я должен оговориться, что меня попросили сказать слово об отце Василии не в силу особой близости к отцу Василию — в Движении все мы были ему равно близки, — не в силу особого знакомства с его творчеством, чем, к сожалению, не могу похвалиться, а как представителя более молодого поколения Движения.

Я познакомился с о.Василием лет 14 тому назад, на Общем Съезде Движения, на котором я был впервые. Мне тогда не было 20 лет. Как часто новички на наших больших съездах, я чувствовал себя несколько одиноко и держался особняком. Отец Василий, вероятно, это заметил, т.к. выискал меня среди толпы, подошел ко мне и, в ласково-шутливом тоне, с тех пор мне столь знакомом, а тогда еще совсем для меня неожиданным и новым, что-то сказал про мою отвалившуюся подошву. Эта первая встреча с о.Василием запомнилась навсегда: тогда впервые я почувствовал его обращенность к людям, открытость и теплоту. Он подошел ко мне не как к одному из многих, а как к определенной личности. И с тех пор о.Василий не переставал относиться ко мне "лично", не переставал иметь обо мне "свою мысль". То, что сейчас я вынужден говорить нескромно в первом лице, каждый член

Движения, каждый близкий знакомый о.Василия, я думаю, мог бы повторить.

Затем мысль моя переносится к другому времени, к другой встрече. Лет 8 назад, здесь же, в просторной, но, стыдно сказать, тогда на три четверти пустой зале, отец Василий читал доклад об А.С.Хомякове, в связи с 150-летием со дня его рождения.

Это был не просто хороший доклад. Это был один из самых глубоких и блестящих докладов, которые мне когда-либо приходилось слушать.

Отец Василий вообще обладал редким среди русских даром красноречия: но его красноречие было без всяких внешних эффектов, без всякого ложного блеска, без тех часто смешных и избитых приемов профессиональных ораторов. В тот день о.Василий говорил с необычайным вдохновением, простотой и глубиной. И благодаря его докладу, я многое понял в Хомякове, многое понял и в самом о.Василии. Хомяков был для него живым примером, олицетворением, осуществлением его заветной мечты и идеи о соединении Православия и жизни, Православия и культуры. Дворянин, помещик, блестящий писатель, ученый, техник и вместе с тем послушный сын Церкви, постящийся по средам и пятницам, христианский писатель и богослов, мечтающий о церковном возрождении, — что может быть о.Василию ближе. Конечно, о.Василий не обладал гениальностью Хомякова. Но, как Хомяков, о.Василий не хотел ограничиться одним ученым трудом, одной какой-нибудь специальностью, а любил многообразие жизни, все ее различные отношения. Как Хомяков, о.Василий совмещает в себе послушание к Церкви, и вместе с тем жажду постоянного обновления Церкви, путем непрерывного творчества.

И, снова, мысль моя переносится дальше: сравнительно недавно, мне пришлось быть свидетелем необычайной пастырской жертвенности о.Василия. В Страстную субботу, пос-

ле утомительнейших служб Великого Пятка, перед длинной предпасхальной вечерней и литургией, отец Василий находил еще время и силы объезжать со Святыми Дарами своих больных духовных детей. И не только в ...он приехал в то памятное утро: он успел уже побывать на другом конце города и еще спешил куда-то. Ему было тогда 77 лет, и он прекрасно знал, что эти посещения больных через весь Париж могут его лишить возможности участвовать в субботней литургии, которую он так любил (в последний год своей жизни, совсем уже больной, он все же побывал в церкви, в это утро), или в пасхальной заутрене. Но отец Василий себя никогда не жалел ради других. Он действительно душу свою полагал за други своя.

Отец Василий был человеком большой воли. Нам казалось, что о.Василию все дается легко, что у него все идет самотеком. На самом деле это было не совсем так, и даже, может быть, совсем не так. На днях мне попало одно старое письмо о.Василия, в котором он говорил одной своей прихожанке приблизительно следующее: 30 лет я ощущал грусть, и только после 30-летней борьбы с самим собой я, наконец, узнал, что такое радость. Эти слова показывают, какой волей, каким внутренним духом обладал о.Василий... и от своих пасомых отец Василий, несмотря на снисходительность и любовь, требовал очень многого — ежедневного чтения Псалмов, по одной главе, Евангелия, Посланий, возможно частого причащения (для движенцев, для активных прихожан не менее одного раза в месяц). Вспоминается мне еще, как "кроткий" отец Василий, человек, как мне часто казалось, компромиссов и полумер, как-то на съезде Движения, буквально стуча кулаками по столу, обличал нашу духовную "дряблость"! Вообще же, молодые ретивые члены Движения бывали часто несправедливы к о.Василию. Мы, я помню, любили его упрекать в том, что он недостаточно показывает парадоксальность христианства, его спасительную новизну,

его разумную силу. Теперь я понимаю, что в этих упреках была значительная доля легкомыслия. О.Василий не любил громких слов. Прежде всего, он искал подлинности в мыслях и действиях. Ему было чуждо, свойственное современному стилю, несоответствие между громкими словами и реальностью. И озираясь назад, вспоминая те многочисленные доклады, поучения, проповеди, которые я слышал от о.Василия, мне кажется, что в них не было ни одного НЕ подлинного звука. Отец Василий был целиком подлинный человек. В этом красота его образа и жизни. К этому он и нас зовет.

Прот. В. Юрьев

К КОНЧИНЕ ПРОТ. В. ЗЕНЬКОВСКОГО

Слово Протопресвитера Виктора Юрьева на Парастасе
7 августа 1962 г.

Амвросий Оптинский на вопрос, почему люди умирают в разных возрастах, одни — пресыщенные днями, другие — молодыми, а иные младенцами, отвечал так: — ”Господь каждому человеку по его силам дает в этой земной жизни дело, которое человек должен и может, т. к. Господь ему в этом помогает, сделать, и, также прекращает жизнь на земле тех людей, которые уже так погрязли в грехе, что уже не могут покаяться, как это было во время всемирного потопа. Остальные люди могут покаяться и, покаившись, сделать дело, порученное им Богом на земле”...

О.Сергий Четвериков, в ответ на наше поздравление ему ко дню пятидесятилетия его священства, прислал нам свое последнее прощальное письмо, в котором между прочим писал: ”Я не претендую себя сравнивать с Моисеем, но частичка Моисеева духа во мне была...” Эти слов мы, его духовные чада, могли бы сказать об отце Василии.

И при всех этих дарованиях, при всех многочисленных и важных делах, которые поручались о.Василию, он не возгор-

дился, не самоуслаждался своими успехами и почти всемирной известностью. *Скромность* была отличительной чертой о.Василия, которую он проявлял всегда...

По скромности о.Василий не носил всех наград иерейских (а он их имел все, включая и митру и право ношения второго креста — последняя иерейская награда). Награды, возложенные на него правящим епископом (набедренник, палицу, золотой крест) он, будучи церковно дисциплинированным, носил, но так и не собрался, чтобы возложили ему митру и второй крест.

По скромности он отказался от всякого общественного празднования своего 80-летия, 50-летия научной деятельности, но будучи миролюбивым, и не желая огорчить близких ему людей, согласился, чтобы его юбилеи были отмечены в семейной среде Движения и прихода.

Марита Р. Гизетти

ПАМЯТИ МОЕГО ДУХОВНОГО ОТЦА

...Письма о.Василия были постоянным источником духовной силы. Несмотря на географическое расстояние между нами и на иные условия жизни, о.Василий умел войти в нашу жизнь и показать выход из кажущегося тупика. Своей редкостной и сильной верой в человека, в вашу личность, в то, что заложено в ней Богом, о.Василий пресекал всякую возможность уныния и самооправдания. Несмотря на исключительную мягкость и любовное отношение, в о.Василии чувствовалась твердость, исходящая из этой веры в потенциальные возможности вашей души. И это заставляло иначе смотреть на мир и чувствовать свою ответственность за себя и за окружающих. Эта вера в человека исходила из любви, была с нею нераздельно связана и давала сильную поддержку. Эта вера в людей о.Василия часто заставляла вас смотреть на окружающих другими глазами, открывать в них то хорошее, что было видно о.Василию, но скрыто от других.

О.Василий мог быть вашим духовным отцом, заботливым другом и мудрым профессором. Советы его касались внутренней жизни человека, семейной жизни, воспитания детей, педагогики, различных научных вопросов и т.д.

Для многих людей большой помощью для их внутренней

жизни является возможность высказаться, найти словесное выражение тому, что накапливается глубоко в душе. Это осмысление глубин души и высказывание их возможно лишь при чутком понимании того, кому высказываешь. Такая отзывчивая чуткость была присуща о.Василию и давала возможность высказать и вдуматься в то, что было где-то глубоко в душе, и с помощью о.Василия, разобраться в том, что было неясно.

Проф. С. Верховской

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ ЗЕНЬКОВСКИЙ

5-го августа в Париже скончался декан Парижского Богословского Института отец Василий Зеньковский. Умер о.Василий после долгой и тяжелой болезни, как праведник. В похоронах его приняли участие епископы различных православных церквей. На панихидах и отпевании его оплакивали бесчисленные друзья. Присутствовали и представители иностранных церквей.

Имя о.Василия стало в последнее время известно по всему миру, всем интересующимся русской мыслью, ибо его двухтомная "История Русской Философии" вышла на трех языках и была даже переиздана в Советском Союзе, хотя чтение ее разрешено на нашей родине только партийным. Однако, слава о.Василия в Православной Церкви в Европе была меньше всего связана в этой его книгой. Его знали как человека, обладавшего исключительными духовными качествами, как одного из самых значительных церковно-общественных деятелей, замечательного ученого и писателя.

Сейчас об о.Василии пишется много статей. Не сомневаюсь, что вскоре выйдут о нем и книги. По просьбе редакции "Нового Журнала" я могу высказать только самые общие мысли об о.Василии. Я знал его больше 35-ти лет. В течение

10 лет он жил в одном со мной доме и приходил ко мне два раза в день, к завтраку и к обеду. Разумеется, начиная с двадцатых годов, я читал все его произведения. Со мной и со всей моей семьей он был связан узами глубокой дружбы.

По происхождению своему он был с Украины, из Подольской губернии; гимназию кончил в Киеве; там же окончил историко-филологический и естественно-математический факультеты. По самосознанию он был русским украинцем, т.е. считая себя украинцем, он в самом украинском народе видел ветвь и неотъемлемую часть русского народа. Враждебное противопоставление русского украинскому было ему совершенно чуждо. Говорил он по-русски, хотя и с типично южно-русским акцентом.

Отец Василий был чрезвычайно предан своей семье. Всю свою жизнь он самоотверженно помогал своим родным, особенно матери, которая оставалась после революции в России. Ради помощи ей он однажды продал всю свою библиотеку; кроме книг у него никогда ничего и не было. Он, вообще, всегда жил в бедности, не жалел денег, когда они у него бывали. Тем не менее у него всегда было достаточно средств (хотя и в обрез!) и на пропитание, и на покупку 2-3 книг в месяц, и на лечение, и на поездки, и на подарки, которые он неизменно делал всем своим друзьям, и на помощь нуждавшимся близким и дальним. Одевался он легендарно бедно, жил в комнате убого обставленной, никогда не имел даже квартиры. В его жизни, как и в жизни многих других верующих, исполнялось на деле обетование Христа, что "ищущие Царство Божие" будут иметь все для них необходимое.

Отец Василий не только лично был привязан к своим родным, но и вообще был убежденным почитателем семейного начала. Он считал семью великим благом, видел в ней естественную, дарованную Богом, полноту жизни; радовался всякой хорошей свадьбе, всякому новорожденному, с охотой крестил, любил посещать семьи и быть в семейной

атмосфере. Он постоянно старался помогать семьям, улаживать семейные нелады.

С такой же трогательной заботливостью, как к родственникам, отец Василий относился и к старым школьным товарищам...

Заграницей жизнь отца Василия делилась между церковно-общественной и ученой деятельностью. Как общественник, отец Василий принадлежал, условно говоря, к демократическому типу. Если бы в России установился демократический строй, вполне вероятно, он был бы одним из виднейших его представителей. Он не навязывал своих идей или мнений другим, не требовал послушания, не предавал исключительного значения дисциплине, но умел, как никто, объединять единомыслящих, сглаживать разногласия и проводить то, что он считал нужным, путем уговоров, сговоров, переговоров и, так сказать, "парламентских маневров". К тому же, от обществ, которыми он руководил, он никогда не требовал большего, чем они, по его мнению, могли в то время принять и осуществить. Если он встречал решительное несогласие, он уступал с огорчением, но без ссоры. Отец Василий не был "демократом" в том смысле, чтобы признавать большинство всегда правым; он даже считал вполне допустимым обойти большинство и добиться своего окольным путем. Но он признавал неизбежность разногласий и противоречий и не умел и не хотел не только принуждать, но даже слишком настойчиво понуждать или осуждать инакомыслящих.

В этом была и его сила и его слабость: сила, потому что он мог сотрудничать и с людьми, с которыми во многом существенно расходился; слабость потому, что его руководству не доставало последней четкости и энергии, и его сторонники неоднократно с горечью жаловались, что он, по их мнению, слишком легко уступает противникам. Если бы отцу Василию было свойственно больше твердости и больше воли к борьбе, он занял бы в Церкви не только то большое место,

какое он занимал, но и великое место. Но тогда он перестал бы быть отцом Василием, каким мы его знали, т.е. человеком исключительной мягкости, желавшим и умевшим быть в дружественных отношениях со всеми, кто только этого хотел.

Общественная деятельность отца Василия распространялась по меньшей мере на десяток разных организаций. Повсюду он был благожеланным членом, руководителем и советчиком. Но больше всего он был занят Христианским Движением и Богословским Институтом.

Русское Христианское Студенческое Движение не было в России основано отцом Василием, но за границей оно возникло при ближайшем его участии и почти сразу было возглавлено им, как бессменным председателем. Движение только частично было студенческим: оно включало в себя интеллигентных людей всех возрастов. В Прибалтике оно начало привлекать и крестьянскую молодежь. Повсюду организовывались "юношеские группы" для лиц до-студенческого возраста. Отец Василий говорил, что все члены Движения студенты, потому что они стремятся к просвещению.

Движение было в сущности организацией православной интеллигенции, разрастающейся постепенно в объединение деятельно-настроенных православных мирян. В двадцатых годах интеллигенция, как тогда говорили, возвращалась в Церковь. Те, кто были уже верующими, стремились осознать свою веру и принять более деятельное участие в церковной жизни. Движение за границей началось в пасхальном восторге сознательного приятия веры и Церкви. Расплывчатая религиозность была преодолена признанием Церкви, как основания жизни.

Отец Василий сделал все возможное, чтобы утвердить эту идею. Он сам говорил мне, что прошел через сомнение в вере в гимназические годы, но уже юношей он стал сознательно верующим. С тех пор, до принятия священничества он несомненно прошел долгий путь религиозного развития, в котором

однако, не было никаких кризисов. Корни его религиозности были с одной стороны в семье и в церковном быте, с другой — в религиозной философии и вообще в религиозном гуманизме. Несмотря на распространение либерализма и атеизма, корни христианства были всегда очень глубоки в русских душах. Возвращение к вере не было в этом отношении удивительным. Более неожиданным была любовь к церковному быту, которая стала даже предметом философствования у людей поколения отца Василия. Вспомним теории "бытового исповедничества" и прославление быта, как особенно дорогого и близкого русскому Православию! Отец Василий не особенно увлекался этими идеями, но формы церковной жизни принимал без колебаний, с любовью и не без умиления.

В христианском гуманизме, несомненно заключалась сущность русской классической культуры. Не мудрено, что люди воспитанные на ней были открыты вере. Среди русской интеллигенции было, однако, естественное стремление философски осмыслить христианство, и ответом на эту потребность стала русская религиозная философия. К сожалению, славянофильство оборвалось после первого же поколения великих славянофилов, хотя влияние его на русскую мысль никогда не прекращалось и не прекратится. Либеральная интеллигенция не могла быть особенно расположена к славянофильству: оно было для нее слишком традиционно и консервативно. Поэтому она скорее склонялась к соловьевской школе с ее неопределенным эклектизмом и расплывчатой эротической мистикой, которая до последних лет девятнадцатого века входила в моду по всей Европе. Сама русская литература, до того бывшая столь трезвой, попала в плен к этой мистике.

Отец Василий прошел через влияние соловьевской школы. Он освобождался от него с каждым годом, но никогда открыто не порвал с ним. Так, например, хотя он и не соглашался с богословием о.Булгакова или с философией Бердя-

ева, но он никогда открыто не отмежевался от них... В личной религиозной жизни отца Василия западническая религиозная философия не имела слишком большого значения; он только считал своим долгом, особенно до сороковых годов, благожелательно относиться к самым разным идеям и не осуждать никого за заблуждения; во второстепенном он сам иногда держался мнений, чуждых православному Преданию. Но во всем существенном он уже и в двадцатых годах жил церковным Православием и звал именно к нему, а не к каким бы то ни было религиозно-философским, эстетическим или психологическим теориям, даже если он сам их отчасти ценил.

Между 1925-м и 1935-м годом Движение работало необычайно успешно. В Прибалтике оно продолжало расти до самой второй мировой войны. Оно приняло там более простую, народную и бытовую, более эмоциональную и сентиментальную форму, чем оно имело среди русской эмиграции в Западной Европе. В то же время на родной почве оно было крепче и жизненнее чем в искусственных условиях эмиграции. Опыт прибалтийского Движения, мне кажется, может служить примером того, какой успех, форму и силу могло бы иметь религиозное движение мирян в России при наличии настоящей религиозной свободы.

Однако в Западной Европе Движение, начиная с середины тридцатых годов, пережило настоящий упадок. Причина его была не случайна: в эмигрантское Движение было включено много разнородных до несовместимости направлений. В Движении было правое крыло, в котором ген. Миллер, глава Белой Армии, похищенный впоследствии большевиками, был далеко не из самых правых. Тогдашнее младшее поколение не только впадало в романтический монархизм, но увлекалось и фашизмом, и крайним национализмом тоталитарного типа. Людям этого направления не хотелось, тем не менее, порывать с верой; часть из них ушла из Движения в

разные, так называемые, национальные организации, но часть осталась, вызывая бесконечные споры, с которыми отец Василий не умел справиться.

Было в Движении и левое крыло сознательных сторонников религиозного свободомыслия и прогрессивных идей. Вождем его был Бердяев. Все это крыло откололось от Движения и образовало новую организацию, почему-то названную "Православным Делом", хотя среди членов его защита чистоты Православия громко осуждалась.

Отца Василия и справа и слева осуждали за "мягкотелость". Справа еще подозревали в тайной левизне и масонстве. Небезынтересно, что отец Василий всегда считал себя монархистом, хотя и конституционным.

На самом деле, та "широта", на которой было первоначально основано Движение, была просто не жизнenna. Отец Василий, вероятно, это понял, но не любил открыто признавать. Он был убежденным сторонником аполитичности Церкви. Но если Церковь выше всего мирского, то она должна объединять людей прежде всего в чисто-религиозном плане. Движение было постоянно занято темами государства, культуры, современных идеологий; следовательно оно могло сохранить единство, только достигнув хотя бы относительно единомыслия в этих вопросах. Поскольку это оказалось невозможным, наиболее непримиримые в идеологических вопросах должны были уйти... Отец Василий здесь не проявил достаточного ясновидения и последовательности: он был горячим проповедником идеи христианизации и оцерковления всех сторон человеческой жизни, но если такое оцерковление возможно и желательно, оно должно привести к общим решениям главных вопросов жизни; христиане тогда должны объединиться не только в вопросах богословия, но и в понимании всех существенных форм жизни. Вместе с тем отцу Василию казалось возможным одновременно звать людей к конкретному, воплощенному в мире хрис-

тианству и допускать самое широкое разномыслие.

Так или иначе, Движение в эмиграции в конце тридцатых годов к немалому огорчению отца Василия стало ослабевать. Война нанесла ему повсюду страшный удар. В Прибалтике оно было разгромлено большевиками; главные руководители его мученически пострадали за веру; при немецкой оккупации группа движенцев старалась помочь возрождению церквей в России. На Западе Движение было закрыто немцами; сохранилась только движенская церковь в Париже. Движенцы по возможности поддерживали между собой личную связь.

Вторым большим делом отца Василия был Парижский Богословский Институт. В свою очередь, он не был главным его основателем, но быстро стал одним из его "столпов". Преподавал он философию, психологию, педагогику, апологику и историю религии. Все эти курсы были сравнительно краткими и отец Василий читал свои курсы быстро, кратко, почти что сухо. Главное значение его в Институте было не в лекторстве. Во-первых, он имел большое личное влияние в совете профессоров; благодаря его мудрости и умеренности влияние это было ценным и положительным. Во-вторых, он больше всех заботился о финансовом благосостоянии Института: хлопотал о деньгах, составлял бюджет, следил за его проведением в жизнь, иногда бывал арбитром в решении деликатных финансовых вопросов. И в Институте отец Василий старался всем — профессорам и студентам — делать добро. Но почему-то он не уделял достаточного внимания студентам Института; вероятно, это происходило из-за его занятости; он жил далеко от Подворья; к тому же по должности он не был обязан заниматься жизнью студентов.

Парижский Богословский Институт имеет большое значение в истории православного богословия. Он сохранил русскую богословскую школу в то время, когда она была разгромлена большевиками. Он дал Церкви много пастырей и

ряд ученых. Богословское образование в Америке существует в значительной мере благодаря бывшим профессорам Парижского Института. Все это не исключает, к сожалению, и отрицательной стороны дела. В Парижском Институте почти не было профессиональных богословов старых русских академий. В силу этого Институт не был, строго говоря, прямым преемником русского богословия. Случилось так, что большинство профессоров Института были раньше профессорами в светских школах и преподавали не богословские предметы. По направлению мысли они в большинстве принадлежали к соловьевской и либеральной, западной школе. Часть профессоров продолжала православную богословскую традицию; часть была настроена более или менее умеренно-либерально; некоторые же или развивали явно неправославное учение или уклонялись в такого рода политические выступления, которые вызывали недоумение в русском обществе.

Ректор Института, митрополит Евлогий, и большинство профессоров заняли в возникавших по этой причине конфликтах примирительную позицию. Институт так и продолжал существовать в некой богословской нейтральности; тверже была его политическая линия. Отец Василий всецело примкнул к большинству, что соответствовало мягкости его характера, но трудно видеть в этом заслугу.

Несмотря на свою непомерную общественную нагрузку, отец Василий никогда не забывал ученого труда. В двадцатых и тридцатых годах он написал три большие книги и множество статей на самые разнообразные темы. Какова бы ни была его тема, он подходил к ней с религиозной точки зрения... Отец Василий обладал огромной эрудицией благодаря исключительной, широкой любознательности и трудоспособности. Он прочитывал по несколько книг в месяц, делая выписки и заметки. Некоторые упрекали его в том, что он иногда не замечал в книгах наиболее существенных и

острых идей. Но по недостатку времени он не мог позволить себе роскоши изучать каждую книгу, и естественно был склонен запоминать в них то, что ему лично казалось важным. Если отец Василий пропускал наиболее заостренные и агрессивные идеи, то потому что не любил ничего агрессивного.

По складу своего ума отец Василий сам себя считал историком. Свои личные мнения отец Василий высказывал осторожно и мягко, стараясь найти умеренный синтез уже ранее высказанных идей. Были у него и свои излюбленные идеи, но не относящиеся к самым главным вопросам бытия. Книги и статьи отца Василия полезны и поучительны, но их надо читать внимательно, принимая во внимание некоторую односторонность автора и склонность к смягчению и синтезам, подчас едва ли не эклектическим.

Историзм отца Василия, как он сам его объяснял, заключался в том, что всякое явление он старался понять в исторической перспективе и оценить его столько же с точки зрения Истины, сколько в свете исторической обстановки. Так, идеи какого-нибудь автора он оценивал, исходя из его жизни, мировоззрения, задач и того места, которое он занимает в истории. И тут сказывалось общее стремление отца Василия "понять и простить", но абсолютная объективность его суждений от этого страдала, понижалась и его требовательность к людям и явлениям и в прошлом и в настоящем...

Приняв священство, отец Василий становится углубленнее, сосредоточеннее, тише, смиреннее. Он теряет даже ту свою "общественную умелость", которая в двадцатых годах способствовала его успехам в делах и, вместе с тем, иногда раздражала его друзей и врагов. Он пользуется меньше чем мог бы своим влиянием, и упорно отказывается от епископского сана. Этот отказ он объясняет нелюбовью к парадной и церемониальной стороне епископской деятельности, а также тем, что он и без того служит Церкви, как священник, профессор, декан Института и председатель Движения. Он

боится, что в качестве епископа он не сможет отдавать достаточно времени своим прежним делам, за которые чувствовал особую личную ответственность.

Как бы ни были убедительны эти объяснения, отказ от епископства был несомненно ошибкой отца Василия. Он недооценил исключительной важности епископства, особенно в наших условиях жизни Церкви. Церковь пострадала от его отказа.

Отец Василий был почти совершенным пастырем. Он служил отлично, благоговейно и просто, в лучших традициях русского духовенства. Проповеди его, как и все его речи, имели иногда один только недостаток — были слишком мягки и деликатны. Но главное достоинство отца Василия было в бесконечной доброте. Несмотря на то, что он занимал такое высокое положение в Церкви и науке, несмотря на крайнюю занятость бесчисленными делами, отец Василий никогда ни в чем никому не отказывал, если только фактически мог это сделать. Он не только принимал всех и вся, за всех хлопотал, всем помогал, служил для всех требы, крестил, венчал, хоронил, но он был готов тратить и час, и два, и три для того только, чтобы навестить кого-нибудь на полчаса или отслужить на загородном кладбище панихиду. Он был со всеми беспредельно внимателен и ласков; никогда никто не слышал от него не только грубого, но даже резкого слова; он любил шутить, но только добродушно, почти по-детски. Терпению его с людьми не было меры; он мог кротко выслушивать десятки раз речи самых нудных и глупых посетителей с их бессмысленными или невозможными просьбами. Хотя он жил один, убого и неудобно, он любил угощать приходивших к нему чаем с вареньем и булками, сам все приготавливая. Многих он принимал только для того, чтобы дать им у него посидеть, душевно отогреться и подбодриться. Я знал целый ряд людей, большей частью пожилых и одиноких, которых он принимал у себя с этой целью ежемесячно. Подар-

ков он делал множество, никогда не забывая ничьих именин или дней рождения; можно было удивляться, откуда у него всегда на это находились средства. На письма он отвечал сразу, и сам писал всем охотно.

Отец Василий принадлежал к тем редким людям, у которых на все есть время и которые все делают вовремя и никогда не опаздывают. Такие люди очень редко не исполняют своих обещаний. Объяснить это можно не только доброй волей и самодисциплиной, но и исключительной трудоспособностью. Отец Василий работал без преувеличения 16 часов в сутки, не теряя даже и пяти минут времени между двумя делами или визитами; он мог читать среди шума, в толпе, например, в метро или в автобусах. Он не избегал разговоров о людях, иногда судил и критиковал их, но никогда не осуждал и не клеймил. Для него не было "конченных людей", с которыми он отказывался бы иметь дело.

Люди, близко знавшие отца Василия, часто спорили о нем, как о советчике. Все ходили к нему за советами, но некоторые оставались неудовлетворенными полученными от него советами. В громадном большинстве случаев советы его были правильными. Если в них были недостатки, то, мне кажется, они происходили или от того, что у самого отца Василия не было в данном случае личного опыта, как например, в вопросах семейной жизни, или от его чрезмерной мягкости и нетребовательности к людям. Многим хотелось получить более резкий и требовательный совет, быть осужденным за свои поступки, недостатки и энергично поощренным на борьбу с собой или на какой-нибудь подвиг. Но отцу Василию действительно не было свойственно клеймить грехи и звать к героизму. Он даже говорил подчас, что мы должны "терпеть" свои грехи, имея в виду опасность отчаяния или уныния от грехов или бесплодность пустого сетования, к которому мы все так склонны. Что касается подвигов, то он думал, что большинство людей все равно к ним неспособно, а те, кто способны,

не требуют особых поощрений. Отец Василий говорил, что никогда ничего не ждет от людей, но благодарен за всякое добро, которое он в них находит и сожалеет о всяком в них зле.

Смолоду отец Василий был влиятельным церковным деятелем. Он был в близких отношениях с митр. Евлогием, к которому был близок и по духовному складу. Когда митр. Евлогий стал склоняться в сторону Москвы, отец Василий разошелся с ним, хотя и не порвал личных отношений. После кончины митр. Евлогия отец Василий сделал все, чтобы утвердить Западно-Европейский Русский Экзархат на прежнем пути. Вскоре он занял высшее для священника место в епархии — председателя Епархиального Совета в сане протопресвитера...

Я не могу сейчас дать хоть сколько-нибудь полный очерк ученых трудов и мирозозерцания отца Василия. Главнейшей идеей его было, без сомнения, религиозное основание всякого бытия. В том, что он обычно называл "секуляризмом", т.е. в изгнании Бога и религии из мира и жизни, он видел радикальное зло, чреватое всевозможными бедствиями. Бытие Божие он принимал совершенно, во всей бесконечности его значения. Связующее звено между Богом и миром он находил в идеальных, хотя и искаженных злом, началах, в образе Божиим в человеке, во Христе и в Церкви. Он знал лучше многих все недостатки церковной иерархии и церковного общества, но он верил в Церковь, как в Царство Божие на земле, хотя и сокрытое под мирской оболочкой. В Церкви он видел разрешение всех вопросов жизни и знания. Отсюда его горячая любовь к замыслу оцерковления жизни во всех ее формах.

Все главные идеи отца Василия были вдохновлены христианством в православной его чистоте. Если в его мировоззрении есть недостатки и ошибки, то главным образом, по отсутствию в основе его ученой деятельности и мышления целостного богословского образования, т.е. систематического

и обстоятельного знания Св. Писания и патристики, литургики, духовной литературы и других форм Предания. Все это отец Василий постепенно изучил не хуже всякого богослова, но все же мирозерцание его выросло из синтеза чистого христианства с секулярной культурой, к которой сам отец Василий относился так отрицательно. Это не могло не отразиться на характере и качестве его творчества. Этот недостаток он разделяет со всем западничеством течением русской религиозной мысли, хотя он сам в конце жизни относился к нему более чем сдержанно.

Из сказанного мною, я думаю, достаточно очевидно и для тех, кто не знал отца Василия, что он был большим, замечательным и редким человеком. Но что в нем было наиболее ценно: ученость, общественная деятельность, возглавление Движения, работа в Институте? Без сомнения, всего этого было бы уже достаточно, чтобы прославить его. Но почему он был окружен такой любовью? Почему вся Церковь проводила его в загробный мир так торжественно и трогательно? Не хочу навязывать своего мнения другим, но я лично убежден, что самое ценное в отце Василии была его святость. "Несть человек, иже жив будет и не согрешит". У него были недостатки, ошибки и слабости, но по существу, в особенности к концу своей жизни, он подлинно стал праведником.

Отец Василий обладал целостной твердой верой. Он жил верою. У него не только не было колебаний или сомнений, но и в мысли и в делах он никогда не был вне веры и судил себя всегда в свете веры. Вера для него была предстоянием перед Богом, "богопереживанием", и вместе с тем он никогда не отделял живой веры от ее осуществления в жизни. Среди церковных людей так часто встречаешь лицемерие, двоедушие, даже цинизм. Отец Василий жил по вере, сколько хватало у него сил. Отсюда и исключительная преданность его идее оцерковления жизни. Он не только развивал ее теоретически, не только проповедовал ее другим, но "оцерковлял",

т.е. старался сделать христианской, прежде всего свою собственную жизнь. В этом отношении его духовному характеру была свойственна, так сказать, "коренная целостность". Как все мыслители, он рассуждал о христианстве, но видеть в христианстве только мировоззрение, которое можно законно отделить от своей личной и общей жизни, было ему совершенно чуждо. Ему в голову не приходило, что он может быть христианином по профессии, а не в самой сущности жизни. С такой точки зрения он рассматривал и все в мире, что не мешало ему видеть немощь и зло мира и иногда относиться к ним снисходительнее многих.

Я много говорил о доброте отца Василия. Обобщая, можно сказать, что доброта и вера определили все отношения его к людям, по слову ап. Павла, что в Иисусе Христе имеет силу только вера, действующая любовью. Прибавлю, что отец Василий сам говорил мне, что не может выносить, когда обижают людей. В связи с этим стоит остановиться на упреках, которые некоторые делали ему, что он недостаточно защищал иных друзей от нападок. Справедливость требует сказать, что он, стараясь уладить миром всякое дело, не порывал с "обидчиками", даже если ему не удавалось добиться мира. Готов также признать, что миролюбие затемняло иногда в отце Василии сознание необходимости открытой борьбы со злом.

Отец Василий не был слаб в отношении самого себя. Он был всегда спокоен и выдержан, а если делал себе поблажки, то самые невинные, не могшие никому повредить. Об этом свидетельствует его терпение и почти сверхчеловеческая трудоспособность. Поэтому, если отцу Василию было чуждо героическое и воинствующее христианство, то не по личной слабости, но по особому складу его души, хотя надо признать, что тут проявлялась в нем односторонность, которая ограничивала ценность и плодотворность его общественной деятельности, поскольку иногда, может быть, было бы более

правильным открыто бороться со злом, даже ценой разрыва с близкими, чем искать примирения путем компромиссов.

Отец Василий был человеком исключительной нравственной чистоты. Во всей его жизни не было поступка, который можно было бы осудить с точки зрения христианской нравственности, как "нечистый"... Особым достоинством его было искреннее смирение и скромность. Он не любил говорить о себе. Общаясь с отцом Василием, вы никогда не чувствовали, что он занят собой. Он никогда не искал ни славы, ни почета, легко прощал даже самые резкие грубости и обидные нападки на него и предпочитал не защищаться. Простодушно и без всякой злобы он рассказывал мне, как тюремный сторож, когда он был в тюрьме, ударил его за то, что он не убрал постели, как полагалось по правилам.

Хочется упомянуть еще про глубокую любовь отца Василия к культуре. Среди христиан всегда, конечно, было много культурных людей. Но у отца Василия, как в древности у отцов Церкви или в девятнадцатом веке у славянофилов, христианство органически соединялось с высокой образованностью и любовью к культуре. В наше время миллионы людей относятся к культуре или с практической точки зрения, или снобистически. Подлинное христианское отношение к культуре основано на убеждении, что в ней творчески отражены та единая сила, добро и красота, которые могут быть ведомы и созерцаемы всеми людьми, просвященными Божественной Мудростью и Логосом, хотя бы они даже ясно не сознавали источника своего знания и творческого гения. Культура, поскольку она действительно является носителем и выразительницей истины, добра и красоты, не может не быть предметом любви и вдохновения для христианина; в эту меру она естественно становится частью жизни христианина, возбуждая и его собственные творческие силы. Таково было отношение к культуре и отца Василия.

Итак, как мне кажется, главное достоинство отца Васи-

лия было в том, что сердце его принадлежало Богу, что вера, убеждение и жизнь у него не разделялись. Его личная духовная жизнь и отношение его к людям было подлинно христианскими. Будучи замечательным общественным деятелем и исключительно творчески одаренным и культурным человеком, он отдал всю свою жизнь на служение Церкви. Ограниченность его была в его "мягкости", которая проникала все его существо и всю его деятельность, и еще в том, что умственно и идейно он вырос не на чистом основании христианства, но на почве, соединившей в себе разнородные элементы русской и западно-европейской культуры. Эту "разнородность" он преодолевал в течение всей жизни, как преодолевал и личные недостатки, чтобы в конце своего земного пути стать истинным христианином и светом правды и любви для всех.

II

Протоиерей Алексей Князев

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ ЗЕНЬКОВСКИЙ КАК ДЕЯТЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ЦЕРКОВНЫЙ

Повод к выбору этой темы: Мне пришли на память слова, которые сказал об отце Василии один из его коллег: "О, о.Василий министерский человек, телефонник, ему заседать в комитетах, ему карты в руки". Разговор шел об организации в 1948-49 году Общества Поддержки Богословского Института.

Слова принадлежали А.В.Карташеву, который сам занимал министерскую должность (он был при Временном Правительстве последним Обер-Прокурором Свят. Синода) и сам отдал в своей жизни очень большую дань политике. Но А.В. признавал, что в области церковно-общественной и чисто общественной о.Василий превзошел его.

Слова эти были сказаны, когда телефоны были далеко не у всех. А.В. неохотно ими пользовался, отец же Василий телефоном пользовался с большим искусством. А.В. Карташев, воспитанник церковной школы, редко выходил из чисто церковной сферы, и даже его политические взгляды только переплетались с его религиозными воззрениями. О.Василий, профессор русских университетов, уже по русской университетской традиции считал за необходимость сочетание научной

деятельности и общественной. А.В. был по складу своему кабинетным ученым, а у о.Василия была бесспорная общественная жилка. Не надо забывать тоже про его удивительную любовь к людям и ко всему человеческому. Это тоже толкало его в общественную стихию. Наконец, о.Василий как никто умел распределять свое время. Поэтому он столько же успел сделать в области общественной и церковно-общественной, как и в области научной. Это было неотъемлемой чертой его личности. Об этой стороне его деятельности упомянуть на собрании, посвященном его памяти, представляется мне совершенно необходимым.

1) *То, чего не видел никто из участников настоящего собрания:* во время кратковременной независимости Украины после 1917 года, при гетмане ген. Скоропадском, он, как киевлянин родом и профессор Киевского Университета, был призван занять в Украинском правительстве пост министра культуры. Здесь надо сказать, что, оказавшись в эмиграции, он оставил всякую политику и не имел сношения с украинскими политическими кругами. Не то было с его братом, оставшимся проживать в Праге, из-за политической деятельности которого, как это многие из нас помнят, будущий о. Василий жестоко поплатился, когда началась вторая мировая война.

2) *То, что помнят старые движенцы:* о.Василий до священства, Василий Васильевич, председатель Р.С.Х.Д., профессор Богословского Института. Его деятельность широко выходила за пределы его преподавания и председательствования в Р.С.Х.Д. в узком понимании этого термина. Перечислю только то, что мне запомнилось:

а) его деятельность у свечного столика, как старосты Введенской церкви на 10, бульвар Монпарнасс и на 91, рю Оливье де Серр.

б) его участие во многих придвиженческих организациях: он был, например, членом Комитета помощи безработным и,

вообще, социальной помощи, созданном покойной Аллой Иерофеевной Матео;

в) он создал Религиозно-Педагогический Комитет с его обширной библиотекой и издательской деятельностью;

г) он был неизменным членом Комитетов, создаваемых вокруг Богословского Института, Сергиевского Подворья и, вообще, Епархии;

д) он неизменно избирался в Епархиальный Совет как представитель от мирян;

3) *То, что помнят его ученики, коллеги и духовные чада. 1944-1962.*

Брак, о котором мечтал Василий Васильевич, не вышел. Он остался celibатным священником. Священство придало ему новый вес в церковном обществе, увеличило его влияние, увеличило его деятельность.

1) Он сразу вырос в общепризнанного духовника, может быть отчасти из-за своей осведомленности в психологии. У всех на памяти те бесчисленные исповеди, которые он проводил в Введенской церкви, на съездах Движения и у себя на квартире, в нижнем этаже дома 8, рю Жанн, ставшей рю Пито.

2) После смерти о.Сергия Булгакова в июле 1944 г. и до вступления еп. Кассиана в 1947 г. в должность ректора Богословского Института, он стал деканом Института и фактически им управлял. Тем более, что Ректор, митрополит Евлогий, уже был болен и не мог активно заниматься Институтom. Благодаря своему академическому опыту, своему пониманию общественной жизни, о.Василий создал в Институте дух дружеской коллегиальности и любви к научной работе, к которой умело приобщал молодых.

3) Он оказался лидером тех, а их было большинство, благодаря которым наш Экзархат после смерти митрополита Евлогия остался в лоне Вселенского Патриархата. Он был неизменно избираем в Епархиальный Совет, уже как представи-

тель от духовенства. Он стал его председателем. Одно время он был благочинным парижского района. Ему пришлось отдавать много времени на церковно-административные дела. Но он успевал заниматься не только ими, но исполнял свои обязанности в Институте, в Движении и писал ученые труды.

Благодаря умению составлять бюджет времени и сил, он нигде и никогда не терял времени. Он вставал в 5 часов утра, молился в два приема (до и после утреннего завтрака), прочитывая во время правила отрывки из нескольких ветхозаветных и новозаветных книг. В гостях он не оставался более 30 минут, экзамены он проводил часто на ходу, на пути в метро, задавая студенту два-три вопроса, которые сразу показывали, насколько студент освоил программу экзамена. За ним было трудно угнаться тем, кто его сопровождал.

Неудивительно поэтому, как много ему удалось сделать. Одним из важных его начинаний были Высшие Женские Богословские Курсы, которые он создал в 1949 году с помощью группы православных женщин. Курсы просуществовали 20 лет. Через них прошло более ста человек. Одна из заслуг курсов: издание лекций профессоров Богословского Института, которыми пользуются даже в нынешних Богословских Академиях у нас на родине. Из среды слушательниц Курсов вышли монахини, матушки, преподавательницы школ. Курсы закрыли после 20 лет существования из-за недостатка средств. До самого конца о.Василий был их защитником и главным вдохновителем.

В каком духе проводил он свою обширную церковно-общественную деятельность?

Здесь необходимо отличить следующие черты и факты, очень характерные для о.Василия.

1)Его миролюбие и его миротворчество.

Он всегда искал компромиссных выходов. Это иногда раздражало. Боевым человеком он не был, хотя таковым ока-

зался тогда, когда надо было дать бой за сохранение нашим Экзархатом данного ему в 1931 году митрополитом Евлогием канонического пути. То, что он обычно не давал боя, было ли это у него слабостью или чертой характера? Вопрос встал, т.к. он довольно жесток в своих мемуарах. Но он не смог воспротивиться духу борьбы влияний и группировок, который установился одно время в Богословском Институте после 1950 года. Но свои ошибки он сознавал, и бывали случаи, когда он просил прощения. Ему приходилось председательствовать на иногда очень бурных Епархиальных съездах. Его безжалостно трепали. Он брал своим долготерпением.

2) Его абсолютная лояльность духу церковности и церковному порядку.

На Епархиальном съезде 1961 года, где имели место выборы преемника митрополита Владимира, обрисовалась угроза блокирования голосов. Некоторые члены собрания, несогласные с большинством, по призыву о.Василия не пошли на эту меру и выборы получили положительный результат. В Богословском Институте одно время имела место попытка получить ставропигию от Вселенского патриарха. Были предприняты в этом отношении шаги. О.Василий послал в Патриархию письмо, в котором подчеркивал значение и место правящего епископа в жизни Института. Этим попытка была сорвана и потерпела неудачу.

3) О.Василию было предложено архиерейство.

В нем даже видели преемника митрополита Владимира. Он это предложение решительно отверг и даже проявлял сильное раздражение всякий раз, когда к нему возвращались. Его доводы заключались в следующем: 1) он ни за что не хотел оставить Введенскую церковь; 2) он не терпел архиерейской помпы; 3) он не хотел ломать свою жизнь.

Была ли это с его стороны слабость характера? Чувствовал ли он, что его силы уже уходят? Испугался ли он новой

ответственности? На это трудно дать ответ. Здесь мы касаемся тайны его личности и его судьбы.

Итак, невозможно никак утверждать был ли призван о.Василий быть правителем и вождем или только человеком министерского масштаба. Но нельзя не признаться, что последнее ведь тоже неплохо. Как и во многом другом, ему и тут был дан явный талант. Как и во многом другом, он этот талант весьма и весьма приумножил, и когда настанет день и час представить отчет, он вернет талант с лихвою тому, от кого он его получил.

17 апреля 1983г.

Н.К. Рауш

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ КАК ЧЕЛОВЕК И ПАСТЫРЬ

Передать в кратких словах, каким человеком и каким пастырем был о.Василий, мне кажется не по силам. В подмогу мне являются, к счастью, уже написанные очерки, выдержки из записей самого о.Василия "Из моей жизни", "Моим друзьям", и слова и статьи, напечатанные к его 80-летию и после его кончины. (Вестник Р.С.Х.Д. 61, 66, 67 и, особенно, статья С.С.Верховского — Новый Журнал 70). Многие из здесь присутствующих, и другие, не присутствующие, помогли мне восстановить данные, факты, впечатления, своими воспоминаниями, чтением писем, написанных отцом Василием, передачей бесед или своими личными характеристиками. Всем я очень признательна, и всех я искренно благодарю.

Что же является самым существенным в образе о.Василия? Доброта и вера, любовь, смирение и скромность, но и его различные дарования, его трудоспособность. "Он служитель Божией Церкви, молитвенник за всех, всеобщий помощник, всеобщий отец, служитель Богословской науки, Отец и Ангел Хранитель Движения. О.Василий, всегда стремящийся всех понять и оправдать" (см.С.С.Верховской, Нов.Жур.61).

Но в момент, когда он лично к Вам обращен, чувствует-ся, что все это сливается в одно, что он всей силой, всей

энергией, *полностью к Вам* обращивается, делается Вам близок, но ничто не навязывает, хоть и смотрит в суть, в нутро. Его присутствие и влияние всегда легки, он не только сочувствует Вам, но ищет выхода и принимает на себя тяжести, (пишет в письмах свою заботу) внимание обращает на все стороны дела, постольку поскольку они Вам важны. Считалось часто, что он слишком мягок. Он действительно очень мягок в отношениях, никого не клеймит, не способен ни к какой агрессивности, не терпит, чтобы обижали кого-то; но не защищается, когда на него нападают, и легко и просто прощает нападки и обиды. Эту мягкость многие считали "слабостью", "миролюбие о.Василия мешало борьбе открыто со злом".

...О.Василий совмещал в себе, помимо других качеств, — *замечательную организованность* — у него знаменитый "бюджет времени", распределение часов и минут на работу, на духовные разговоры, на бродяг, на требы в далеких предместьях Парижа, на невероятные просьбы тех или иных. У него на все было время, он все делал *вовремя* и никогда не опаздывал.

— *и горение духа и творчество духа*, — что часто трудно совместимо. Горение духа, как только дело идет об отношении к человеку, к данному индивидууму, или о его научной работе, которой он был сильно предан — ему дорого стоило отвлекаться от научной работы, когда он писал, например, Историю Русской Философии. Горение духа есть в том, что он "ненасытно любит мир идей", любит изучать различные отрасли знания, хоть и счел ошибкой, что потратил на университет 9 лет! Научная работа была для него "всего дороже", "она непрестанно действует во мне", в ней он увлекался больше анализом, чем синтезом и жаловался на медлительность своей мысли, хотя во внешних движениях был очень быстрым. Я коснулась этих фактов, хотя они не входят в рамки моей темы, но освещают — мне кажется — некоторые

подходы к жизни и к людям о.Василия. Научная работа о психической причинности, о возникновении сознания, является конкретной основой, *базой*, которая будет впоследствии воспринята и освящена истинно христианским мышлением.

...О.Василий пишет сам в 1952 году: *"Я люблю людей, в их индивидуальности, в их своеобразии — если угодно, это есть чутье к чужой душе"*.

Многие подчеркивают, что отношение о.Василия к людям определяется добротой и верой, т.е. той *"действующей любовью"*, которая нужна, чтобы следовать Христу. Многие свидетельствуют об отзывчивой чуткости, которая была присуща о.Василию. Эта чуткость, эта направленность к Вам помогала вдуматься и выразить, высказать то, что было неясно для самих себя. — *"Его к людям тянуло, чтобы передавать свет, знания, благодать: и общение совершалось. — Он имел душу приемницу, душу передатчицу"*, — пишет Б.К.Зайцев. Чутье к чужой душе было активным и ласковым, т.к. оно толкало, побуждало к вере в человека, к доверию к его силам, вообще о.Василий верил в людей, слегка даже идеализировал их. Его интуиция склоняла к уверенности в потенциальные возможности каждой души, невольно это требовало и от нас большего и лучшего. Эта черта его отношения к людям была особенно действующая, как бы ожидание от нас лучшего.

Старание доказать ценное в нас положительное.

Его вера в нас, в нашу личность, меняла наше же обращение и к другим, и к себе самим, обязывая как-то нас, и пресекала уныние, т.к. требовала бдительности и чувства ответственности. Эта вера в людей могла казаться *"наивной"*, тем более, что о.Василий выражал ее часто в лирических терминах, но в сути она была большой помощью и поддержкой в жизни духовной. Говоря об этом, я перешла уже от одной темы к другой, но о.Василий как человек и пастырь — может быть одной темой, и разделять все эти характеристики и особенности было бы очень нецелесообразно. О.Василию была свой-

ственна "коренная целостность", и он действовал по отношению к Вам как ученый и духовник, и психолог, и богослов, все его дары действовали вместе вплотную и выявлялись в том "оцерковлении жизни", о котором он так горячо и так часто проповедовал.

Во всех советах его всегда чувствовалась неразрывная связь с жизнью, ибо он никогда не довольствовался отвлеченными идеями или советами, но все тесно связывал с каждодневным проявлением христианства. С какой-то неимоверной легкостью о.Василий соединял земное с небесным и твердо и ясно осуществлял в жизненном положении и показывал, как этого добиваться.

...О.Василий сам любил жизнь и благодарил за жизнь. Он пишет: "Вот мне 80 лет исполнилось, и в душе моей, когда я думаю о моей жизни, ликование, столько света было в моей жизни, столько душ я узнал и полюбил, а музыка, мир идей? Все это от земли, во все входим горячо (порой схватит скорбь), но я благодарю Бога за свою жизнь, даже за глупости и ошибки. Дай Вам Бог любить жизнь".

Действительно, о.Василий любил жизнь и людей, считал семью великим благом, видел в ней полноту жизни, радовался свадьбам, новорожденным, очень любил быть в семейной атмосфере, задаривал детей, с большой заботливостью относился ко всяким семейным неладам. Был особенно чуток к женским душам. Недаром преподавал на Женских Курсах.

Но о.Василий любил мир идей и музыку, и лирическую поэзию Тютчева, и культуру вообще как выразительницу истины, красоты, добра, но с трудом принимал современные поиски культуры.

...Был очень явно "участником жизни", держался в курсе всего, что происходит, даже, когда был болен или утомлен, этим был очень близок нам, живущим в миру, мирянам.

...Любя жизнь, он не был занят "своим местом" в этой жизни, не был занят собой, но творил как бы с другими и дру-

гих для Бога и в Боге. Стоит остановиться и задуматься на одной мысли о.Василия ("Из моей жизни", стр.13), высказанной в его записях, а именно пишет о.Василий: "Черта, которая есть, конечно, слабость во мне — *Я не строю сам своей жизни*, строю планы, что легко, но не более". "Неумение и нежелание" строить свою жизнь о.Василий считает "до настоящего времени" (т.е. до 75 лет) типичным для себя. Нам, знающим его широкую общественную деятельность и бесчисленные ведущие роли и положения — это может показаться странным: но он имеет в виду то, что он не искал никаких определенных ролей и считал, что не противился своей судьбе, но не делал ее сам, и что ему "везло во внешних путях жизни", но что было у него "некое пассивное отношение к своей судьбе, что может быть, связано с таинственным голосом моей жизни".

* * *

О.Василий обладал целостной, твердой верой — он жил верой. Вера была предстоянием перед Богом — *Богопереживанием*, и он никогда не отделял живой веры от ее осуществления в жизни.

В этой вере и в этой любви о.Василий был большим, замечательным и редким человеком. "Самое ценное в о.Василии — это его святость, — пишет С.С.Верховской. — "По существу, в особенности к концу своей жизни, он подлинно стал праведником".

К.А. Ельчанинов

ОТЕЦ ВАСИЛИЙ КАК ФИЛОСОФ

Те, кто хорошо знали о.Василия, не могли не удивляться, где брал отец Василий время для писания книг и бесчисленных статей.

Как о.Василий мог сочетать огромную церковную, общественную и педагогическую деятельность с научной работой! Мы уже не говорим о легендарной отзывчивости о.Василия, находившего всегда для всех время...

О.Василий много писал по вопросам психологии, педагогики, апологетики, истории русской культуры, по экуменическим вопросам, по истории западной культуры. По всем этим вопросам у него было свое, глубокое и тонкое суждение, основанное на невероятной эрудиции и желании освятить все эти вопросы с *православной* точки зрения.

Но, как нам кажется, основной интерес о.Василия лежал в области *философии*, христианской философии, т.е. православного освящения основных вопросов метафизики.

Думаю, что для большинства людей, читавших о.Василия, он был прежде всего автором двухтомной "Истории русской философии", переведенной на несколько языков и даже изданной в Москве в 1959 году для узкого круга советских историков философии.

Но историк философии не должен затемнять философа, как мы сказали, *православного* философа, стремящегося быть ортодоксальным, т.е. верным традиции Православной Церкви. Это тем более важно подчеркнуть, что многие его сверстники, прошедшие путь от атеизма к вере, не до конца освободились от чуждых христианству идей, широко распространенных в начале нашего века в среде русских богословов.

Только под конец жизни о.Василий задумал издать свою философскую трилогию под названием "Основы христианской философии". Первый том вышел в 1960 году, второй— после смерти о.Василия, а рукопись третьего не была закончена.

Скажем несколько слов о духовной эволюции о.Василия. В своих неизданных воспоминаниях о.Василий пишет, что в юношеские годы, под влиянием "духа времени", он потерял веру. Писарев, о котором о.Василий писал в своей истории русской философии, как о примитивном материалисте и философски "наивном человеке", увлек четырнадцатилетнего гимназиста и на несколько лет оторвал его от религиозной среды, в которой он вырос. Занятия психологией, Гоголем, чтение знаменитой апологетики Светлова, затем временное увлечение Владимиром Соловьевым, довольно скоро освободили молодого студента от писаревского материализма, связанного с безбожием. Скажем сразу, что от философии всеединства Владимира Соловьева, о.Василий тоже освободился довольно быстро и не пропускал случая разоблачать следы соловьевского учения у русских мыслителей начала века.

Занятия психологией и педагогикой привели о.Василия к философской антропологии, которой он занимался всю последующую жизнь. Вкус к общению с людьми, интерес к каждому человеку и пастырская практика последних лет

дали также о.Василию много материала для размышления над вопросом "загадки человека".

Скажем несколько слов об основной задаче философского творчества о.Василия, т.е. о построении христианской философии. Какова для о.Василия основная богословская предпосылка этой идеи христианской философии? Если Бог *творец* мира и человека, говорит о.Василий, то *все* бытие имеет религиозные корни, религиозное основание, и тем самым возможно его религиозное осмысление. Связь всего бытия с Богом тем самым исключает возможность *нейтральной* сферы бытия, т.е. сферы *чуждой* его христианскому пониманию, осмыслению и, значит, и освящению.

О.Василий всегда боролся с идеей *секуляризма* как с ложной установкой, в основе которой лежит идея *автономии* бытия, т.е. автономии разума, права, культуры от веры. О.Василий не проповедовал *подчинения* всех этих сфер человеческого творчества Церкви, а искал в библейской идее "творения" религиозного обоснования всех сфер человеческого творчества. В частности, он упрекал западных философов XIII века в попытке построить на основании аристотелевской философии независимую от христианства философию. Эта независимая, как говорят, "чистая" философия, родилась на латинском Западе, в то время как Православный Восток остался верным святоотеческой традиции "цельного" знания. Как пишет о.Василий: "Христианский Восток неповинен в этом трагическом факте", т.е. в факте отхода христианской философии от своих христианских корней. Далее о.Василий пишет, что "Православный Восток своеобразно *воцерковил* наследие греческой философии". О.Василий считает, что со средних веков на Западе "пути веры и знания начали расходиться", и в этом вся драма западной культуры.

Не имея возможности в этой по необходимости краткой статье развить идеи о.Василия, скажем несколько слов

о принципах, которыми руководился о.Василий в построении Христианской космологии.

О.Василий, опираясь на откровение и на учение отцов Церкви, говорит, что идея *творения* является центральной идеей христианской метафизики и критикует тех христианских философов, для которых неоплатонизм затемняет идею творения. "Мир не имеет своих корней сам в себе", — пишет о.Василий, — "корни мира и человека в Боге". Далее о.Василий развивает идею "космического аспекта Церкви". О.Василий пишет: "Носителем единства мира является Церковь". Конечно, не Церковь в ее историческом бытии, а в более широком ее *космическом* аспекте. Как историческая реальность Церковь создана Христом, но и до Боговоплощения, говорит о.Василий, "все бытие управлялось Богом, т.е. была Церковь в ее метафизическом смысле". То, что для древних было "душой мира", то для о.Василия является "космической Церковью", включающей в себя все человечество. О.Василий понимает, что "такое натурфилософское понимание Церкви должно быть богословски обосновано". Отсылаем читателя к двум небольшим томам "Основ христианской философии", о которых мы говорили. В них читатель найдет глубокое богословское обоснование этого утверждения.

Много страниц уделяет о.Василий проблеме "поврежденность космоса", опираясь на слова Ап. Павла о том, что "вся тварь стенает и мучится поныне". Эту идею страдания природы, ее поврежденности, о.Василий связывает с первородным грехом. В природе нет субъекта как личного носителя греха и потому нет и ответственности природы за зло. Только человек несет эту ответственность. Тут мы переходим к антропологии, т.е. учению о человеке. Как мы говорили, этой темой о.Василий занимался всю жизнь и касается ее почти во всех своих книгах. Ей же посвящено несколько статей.

К. Андроников

О. ВАСИЛИЙ ЗЕНЬКОВСКИЙ КАК БОГОСЛОВ

Чтобы попытаться охарактеризовать за несколько минут богословие того, кто был дорогим для нас "Вас-Васом", а потом почтенным протоиереем, но всегда учителем, требуется предельная сжатость, могущая граничить с опасным упрощением, если не недопустимым искажением. Чтобы избежать "взгляд и нечто" при изложении хода и содержания его мысли, следует поставить два основных вопроса и подобрать главные темы, в которых можно найти более или менее разработанный о. Василием на них ответ.

Во-первых, постольку поскольку Зеньковский в основном был философом (по образованию и по деятельности, включая психологию и педагогику), был ли он отчасти и богословом в своей философии? Если да, то, во-вторых, как оценить его богословие (внутренним показанием)?

В ответ на первый вопрос следует утвердить, что все его философствование *религиозно*. Оно всецело исходит из его вероисповедания. В общей сложности, оно соответствует определению, сформулированному Сергием Булгаковым (с которым он так долго сотрудничал, еще в Киеве и в Москве, потом сразу и до конца в Институте Парижа, но с некоторыми богословскими положениями которого Зеньковский

был формально несогласен): "Философия неизбежно стремится к абсолютному, к всеединству, или к Божеству... В конце концов, и она имеет своей единственной и универсальной проблемой — Бога... Она тоже есть богословие, точнее — богоискание, богоисследование, богомышление". (Свет Невечерний, Москва, 1917, стр. 76). В частности, гносеология Зеньковского (как коренная проблема всякой философии) основана на богопознании: "свет Христов" — лейтмотив его дедукций и построений. Его космология развивает идею творения, его антропология (и психология) исходят из христианских начал. Однако, он не занимается развитием богословских тем как таковых (триадология, христология и т.д.). Он скорее богословствует по поводу философских вопросов, прилагая богословские категории к их разработке. Вера же для него — *априорное* философское положение. Можно вообще определить религиозную философию Зеньковского (да и всех русских религиозных мыслителей), как прикладное богословие, поскольку темы этой философии, по существу, принадлежат и подлежат богословию (хотя обратное — неверно).

На второй вопрос, можно в первую очередь ответить, что о. Василий безупречно теоретически излагает доктринальные (православные) принципы, которыми пользуется в своем мышлении. Они — свет для "обновления ума", по завету апостола (Римл. XII, 2). (См. заключение статьи: "Вера и знание", "Православие в жизни", Нью-Йорк, 1953, стр. 52). Его диалектика при применении богословских постулатов сильна и убедительна. Однако, отметим снова, что он оперирует последним полностью в сфере философских вопросов, а не догматики как таковой. Этим и определяется различие и разница подхода между богословом и философом, даже религиозным. Кстати сказать, (и это в частности относится к о. Василию), такое разграничение, до известной степени, — методологического или технического порядка, а не онтоло-

гического, ибо, если нет богословия без философской обработки (кроме апофатики, но она и не рассудочна), то в той или иной степени нет и философии (даже "позитивистической") чуждой богословским проблемам (Абсолют или его отрицание, бытие и т.д.). Это особенно и подтверждается всей чередой русских философов: "философия подавляющего числа русских мыслителей стоит в теснейшей связи с религиозным мирозерцанием", констатировал Зеньковский, как ее историк. "Связь философии с христианством в истории русской мысли так ярко выражена, что мы найдем ее даже у мыслителей, отошедших от религиозной установки... Таков Герцен... Гоголь..."холодный гегельянец Чичерин... яркий неокантианец А.И.Введенский". ("О мнимом материализме русской науки и философии", Мюнхен, 1956, стр. 63).

Чтобы оправдать именно в этой связи наши вводные утверждения, следует постараться обрисовать, хотя бы в широких чертах, ход мысли о. Василия (и, по возможности, его же словами).

В главном своем философском труде, "Основа христианской философии" (т. 1, Посев, ИМКА-Пресс, 1964), он определяет два типа Богосознания: знание Бога и знание о Боге (в этом он следует, и как и говорит, схеме Козлова). С первым связано непосредственное, первичное данное знание, еще без идей, от которого "неотделимо ничто, что происходит в душе". "Но в пределах этого первичного Богосознания есть и мирознание", тоже первичное, "живая сопряженность с миром в его целом". Из этого "неустрашимого достояния" души рождается "знание о Боге", уже как "феноменология веры", и тоже разум, как "феноменология мироздания". Таким образом, вера и разум едины в своем источнике. "Лишь в плане психической феноменологии и возникает тема о соотношении веры и разума", следовательно, и возможное их разъединение или "автономия

разума”; ”в плане же первичного сознания” этой темы нет”. ...”Вера не отлична от разума в своей основе — то и другое есть проявление светоносной силы, входящей в душу от Христова света” (Иоан. 1, 9) (”Основы...”, т. 1, стр. 44-46, 52).

Естественно, что для роста и развития как веры (богопознания), так и разума (миросознания), необходимо Откровение их источника — Христа. ”Вне Откровения человеческий дух становится жертвой *одностороннего* развития разума на путях миропознания, — даже Богопознание подпадает под давление самообособившегося разума” (чему наиболее разительный пример — грандиозно-сухие построения схоластики). Итак, *”лишь при наличии Откровения*, которое дано нам лишь в христианстве, возможно не только равновесие веры и разума, но и новые перспективы для ”верующего мышления”, как выражался Киреевский” (стр. 53).

Из этой общей предпосылки следует христоцентричное определение и субъекта знания и его объекта (мир или реальность). ”Во Христе и через Христа единосущное человечество и является действительным субъектом познавательной, моральной, эстетической жизни, как жизни духовной” (стр. 65). (Можно проследить это понятие Зеньковского о средоточии во Христе всей человеческой деятельности уже в его педагогических трудах; например: ставя ”вопрос религиозного обоснования педагогики”, как ”прежде всего вопрос об осознании внутреннего средства, внутренне, органической близости и единства педагогических интуиций и религиозной сферы”, он подчеркивал ”христианское ядро, христианский смысл” этих интуиций (”Проблемы воспитания в свете христианской антропологии”, ч. 1, Имка-Пресс, Париж, 1934, стр. 27).

Что же касается объекта познания, что ”первооснова всякой реальности” (включая реальность ”в познаваемом бытии”) лежит ”в сфере Абсолюта”, т.е. в Премудрости

Божией, "со всею полнотою божественных идей и божественных энергий" ("Основы..." , стр. 138). Хотя по всей вероятности и не намеренно, такой формулой, сочетающей платонизм с паламизмом, о. Василий дает известный ключ к пониманию социологии; о чем дальше).

Премудрость, или "свет Христов", составляет не только "первооснову всякой реальности" (хотя бы из-за сотворения мира), но и причину познавательного акта и его, как бы, мотивировки. И потому, заключает о.Василий, "в Премудрости Божией и только в ней *ordo idearum* и *ordo rerum* от века едины". "Свет Христов является той силой, которая прежде всего *формирует самый замысел познания*: мы "видим" мир благодаря свету Христову, — т.е. видим и всю поверхность мира и глубину его, видим (интуитивно) его гармонию. Мир в этой полноте и красоте своей влечет нас к себе, ибо он сам возник и держится на Христе — Премудрости Божией..."

Тут можно усмотреть одно из главных *богословских* умозрений о. Василия. Оно относит коренным образом значительную часть его гносеологии (следовательно, и космологии, потом и антропологии) к проблематике *социологии* (от булгаковской трактовки, от которой он однако отмежевался).

Другая чисто богословская его мысль, именно в области гносеологии, это установленная им связь познавательной функции *ума* с мистическим видением *сердца* (по учению отцов аскетов, на которое он впрочем не ссылается, о высшей степени знания путем любви, когда гнозис переходит в агапи). "Потребность познания мира есть первое и основное проявление *любви* к миру, — познание есть путь, диктуемый потребностью охватить предмет любовью, совершенное знание потому и упраздниться в будущем веке (1 Кор. XIII, 8), что оно достигнет своей цели, т.е. охватить мир в любви" ("Основы..." , 1, стр. 138).

В этом плане, в начале своего учения о разуме и вере, о. Василий усматривал, что "вековой опыт духовной жизни, всегда устремленной к объединению теоретической и моральной жизни, к соединению разума и сердца, свидетельствует не только о болезни духа, которую христианство связывает с первородным грехом, но указывает и на иной еще факт: ...теоретическая работа духа... не может быть оторвана от нашего "сердца", наших чувств, от нашего внутреннего состояния... Мы должны признать возможность *расширения и углубления наших познавательных сил*, при развитии духовной жизни в человеке" (там же, стр. 34-35). На этом пути "ум констатирует, сердце оценивает" (стр. 36).

Эти соображения, относительно субъекта познания как и его объекта (реальности), снова приводят к теме социологии, но также к понятию Церкви, как Тела Христа. Индивидуальный человек пользуется разумом, но не как собственностью, принадлежностью, а как даром. При единстве человеческого рода и множественности человеческих личностей, действительным, метафизическим субъектом разума является "нерасторжимая связь единой сущности человечества и его многоипостасного эмпирического бытия" (стр. 61). Следуя своему философско-богословскому христоцентризму, о. Василий покажет, что этот субъект приобретает свою реальность в Церкви, точнее, что сама эта реальность "и есть Церковь, как ее понимает христианство". Если это принять (а для христианского сознания это есть просто самоочевидность), то становится ясным, что *субъектом познания, субъектом разума является Церковь*". (стр. 62). Однако, — Церковь не историческая, эмпирическая, а в своей соборности Тело Христово, Церковь — глава которой Христос. Отсюда, заключение, приведенное выше, о том, что вся духовная жизнь человечества (включая познавательную деятельность) "во Христе и через Христа".

С другой стороны, на счет объекта знания, о. Василий

указывает, что чувственная реальность и нечувственная, или идеальная, "неотделимы", одна без другой "немыслимы", потому что "связаны с понятием Премудрости Божией, царящей в мире" (стр. 144). Не забудем, при этом, что о. Василий следует известной патристической традиции и олицетворяет Премудрость Христом. Христоцентричность и субъекта (Церковь) и объекта (мир) устанавливает между ними соответствие, некую однородную гармонию. Она тем самым отражается на отношении субъекта к объекту, т.е. на познании: имеется единство познания и предмета (мира). Между ними "гносеологическая координация", которая "запечатлевает в себе единство (сына Божия... как главы Церкви... Свет познания — от Христа, его предмет — создание Христа; через Церковь струится свет познания бытия" (стр. 140).

Несмотря на это, между "идеальной сферой" и мировой областью нет тождественности (вообще, о. Василий твердый сторонник дуализма). "Премудрость в космосе.... — только образ Премудрости Божией". Но, именно потому что она образ (по существу, то что о.Сергий Булгаков называл "Софией тварной"), "Премудрость в космосе есть реальность и притом высшего типа, чем реальность чувственная". Этим и определяется "взаимоотношение двух типов или двух слоев реальности" (стр. 144).

Эта богословская установка о. Василия, вполне ортодоксальная, позволяет ему трезво отнестись к положению мысли в мире и в самой Церкви, именно с точки зрения религиозного философа. На счет Церкви: "Что (она) принимает, то и верно, говорят люди верующие. Беда только в том, что часто за голос Церкви принимают застрявшие в церковном сознании случайные и посторонние идеи и концепции. *Засорение церковного сознания* неизбежно в истории Церкви; оно вовсе не дискредитирует идеи церковного разума, но только ставит проблему "рассудительности", критического ре-

визионизма всего, что относят к церковному разуму” (стр. 147)*.

А насчет мира: ”Вся драма современного мира и заключается в том, что он продолжает жить благовестием Христа о Царстве Божием, но не хочет достичь этого идеала без Христа (утопия земного рая и, в частности, безбожной науки вообще). ”Именно поэтому человечество и зашло ныне в тупик, из которого его не может вывести никакой революционный утопизм. Отсюда ненависть в неомарксизме к христианству и неизбежность современной *религиозной войны*, идущей ныне в мире” (”Окаменелое нечувствие”, Православная мысль, 1951, стр. 45).

В общей сложности, из самой истории мысли и мышления явствует, что ”не вера создает конфликты с разумом, а разум, оторвавшийся от Церкви, может вступать в конфликт с данными веры” (”Апологетика”, Париж, 1957, стр. 30). В такой оторванности вообще культуры от веры, тяжелую долю ответственности несет, конечно, и сама Церковь; на что о. Василий (и далеко не он один) привлекал внимание (см. в частности, ”Наша эпоха”, стр. 45-47).

Чтобы пополнить картину богословской мысли о. Василия, следовало бы теперь, хотя бы схематично, рассмотреть содержание III-го тома его ”Основ христианской философии”, подзаголовок которого: ”Христианское учение о мире”, где он переходит ”к разработке христианской метафизики” (стр. 9). Кроме того, что для этого мы, к несчастью, уже не располагаем достаточным временем, II-ой том, фактически, исходя из основных ”идей” и ”проблем” христианской метафизики (см. оглавление), содержит не богословскую разработку последней, а скорее философское применение

* Ср. *Наша Эпоха* (Париж, 1952): ”Не только снизу, но и сверху должно быть движение, чтобы преодолеть разделение Церкви и жизни, веры и культуры” (стр. 45).

ние некоторых вероучений, уже указанных в I-ом томе, к вопросам структуры бытия, человека и мира, Промысла и истории. Тут ряд весьма ценных рассуждений, в частности, при сравнении православной доктрины с другими верованиями и философскими построениями. Но, с чисто богословской точки зрения, II-ой том по существу не раскрывает новых "основ" по сравнению с I-ым, хотя некоторые развивает. В общей сложности, он излагает "прикладную метафизику" по указанным темам. (Этому же методу он следовал в своих статьях наиболее богословских, особенно о космологии и антропологии, изданных в журналах "Путь", "Вестник Р.С.Х.Д.", "Православной Мысли", "Живом Предании". Как раз антропологию он и намеревался разработать в III-ем томе "Основ", увы! — так и не законченном).

Ограничимся двумя примерами этой трактовки о. Василия из наиболее актуальных тем современного богословия: Церковь и отношение Бога к миру (обе темы связываются с рассмотрением "состава бытия"). В I-ом томе, говорит о. Василий, "Мы устанавливаем неустранимость использования понятия Церкви для гносеологии, мы теперь... устанавливаем центральность понятия Церкви для метафизики". Этому понятию автор придает космическое значение: "Все бытие, созданное Богом, и есть Церковь" ("Основы...", т. II, стр. 49). А постольку поскольку "человеческая сфера" является "субстратом Церкви", то все космологическое бытие связано с этой сферой. Это основное положение, чисто богословского содержания (несмотря на иногда не совсем ясную терминологию, как "субстрат Церкви"), о. Василий развивает в дальнейших главах с философской точки зрения. Тут мы еще раз видим, что он по существу не разбирает богословские вопросы, а исходит из *априорного* утверждения доктринальных определений, чтобы их применять к философской диалектике.

Итак, связав темы космологии и антропологии с поня-

тием Церкви, он подходит "к новому циклу идей — к *социологической теме*" (стр. 50). В действительности, он уже ее касался в начале тома, по поводу общей идеи творения (опять-таки следуя определениям данным в первом томе). "Надо одинаково признать бесспорную реальность Премудрости в Боге, но и бесспорную реальность идейных корней в тварном бытии... Есть вечная, божественная Премудрость... а идеи в мире есть либо *отражение* божественных идей, либо *вхождение в тварное бытие* идей Божиих". Чтобы определить такое "вхождение", о. Василий пользуется платоновским, да и оригеновским, понятием о "сперматических логосах", которые, с самого акта творения, одушевляют мир.

"Именно в *акте творения* вечные божественные идеи, *засеменяя* тварное бытие, живут с этого момента нераздельной от мира жизнью" (стр. 18-19). Будучи в мире, эти идеи однако не созданы, не "сотворены"; они "образы идей в Боге" и "приобщаются к тварному бытию" (там же).

Каким же способом могут они "засеменять", "не теряя качества вечности", совершенно инородную субстанцию, а именно "материальную основу мира", при совершенном "онтологическом дуализме", на котором Зеньковский неоднократно настаивает, — этого он нигде не объясняет. Поэтому его богослово-философское толкование "социологической темы", им же коренным образом поставленной, и его резкая критика более разработанных толкований Премудрости, вовсе не убедительны и даже не чужды некоторых внутренних противоречий. Например, с одной стороны, он утверждает, что "идеи в тварном мире... по своему *содержанию* ... ничем не отличны от идей, входящих в Премудрость Божию, и они "не сотворены". С другой стороны, если "Премудрость Божия предвечна... премудрость же в мире есть *создание Божие*, ибо она есть *Церковь*" (курсив Зеньковского). Этим понятием "созданной Премудрости", он считает, что "мы избегаем недолжного отождествления Софии Боже-

ственной и Софии тварной". Он имеет в виду построения Булгакова, который тем не менее, в своих последних произведениях (опубликованных двадцать лет до появления "Основ"), тщательно различает между Божественной Софией и тварной, которая "отображает" первую и имеет в ней "идеальную свою основу". Дело в том, что о. Василий укладывает в одну и ту же категорию Соловьева, Флоренского, Франка и Булгакова, считает, что у них у всех идея творения "мнима" и получается "единосущие Бога и мира"; потому их теории "никак не соединимы с христианской метафизикой, которая вся проникнута онтологическим дуализмом" (стр. 26-27). Одновременно (хотя и сто страниц спустя, в главе: "Бог и мир"), он утверждает, что "нет никакого бытия вне" Бога, и что, "создав мир, Бог им живет, входит в него, — и это относится к миру во всех его составных частях, т.е. к царству минеральному, растительному, животному, человеческому" (стр. 137). Это "вхождение" Бога в мир есть промысел и благодать. Их связь с "идеями" и с Премудростью, однако, не устанавливается. Также нет разъяснения переходу от Абсолюта к Премудрости, далее — от Премудрости к идеям и к их присутствию и действию в мире...

В итоге, о. Василий оставляет неразрешенным вопрос об *онтологическом отношении* между Творцом и тварью. Оно просто непонятно при "онтологическом дуализме". Он также не связывает образ Божий с образом Софии Божественной и не разъясняет понятия Церкви как тварной Премудрости (иной раз исключая идейное существование последней). Подчеркивая важность свободы, "бесспорно существенное выражение образа Божия в человеке" (стр. 128), он не углубляет проблематику свободы (правда, что он намеревался этим заняться в III - м томе, при разработке антропологии). Далее, в главах о иерархической структуре бытия (ч. I, гл. II), о составе бытия (ч. II, гл. I-II), о человеке в мире (гл. III), он развивает феноменологию бытия лишь после

грехопадения, но не касается проблемы творения из ничего (т.е. самой проблемы творения и от него зависевшего состояния первородного Адама и Космоса). Остается также неясным различие между "действиями" Бога и "энергиями", качествами или "ценностями" Божества (как красота) и их проявлениями в мире и человеке. Упрекая русских мыслителей в неоплатоновских тенденциях, сам о. Василий скорее остается на уровне платоновских "идей" или "форм" бытия, кроме того, что понимает Церковь как "душу мира".

Легко убедиться в том, что неясности, неточности, и порой, двусмысленности в отдельных частях *Основ христианской философии* объясняются недостаточно четкой и полной разработкой соответствующих богословских тем. Но упрекать его в этом не приходится: такова не была его задача. Он стремился установить "основы" христианской философии и тем самым показать, что такая философия, не оторванная от Церкви и знающая любовь, при свете Христовом, возможна (ч. I, стр. 20). Ее ярким памятником труд о. Василия Зеньковского и останется.

III

О. Василий Зеньковский

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ*

В детстве я был религиозным ребенком, ходил вместе с отцом (который был тогда церковным старостой) в церковь. Все детство — до 14 лет было освещено несколько матовым, но светлым сиянием Церкви. Дед мой был священником — и мне тогда казалось священство чем-то недостижимо высоким, чего удостаиваются немногие избранные. Из церковных переживаний одно лишь залегло в душе надолго — похороны дочери нашего священника. Все, что я видел и чувствовал, раздирало мое сердце, но я сознавал с какой-то мучительной ясностью — что похороны это проводы в другой мир. Гроб, своей бьющей по нервам "нарядностью", пение спокойное, почти торжественное, но и печальное, — все как будто говорило о том, что ныне, в час похорон, небо отнимает у людей это дитя — и делает это спокойно, почти строго, но не сердясь, а даже соболезнуя. А все кругом плакали, особенно страшно рыдал отец — и сердце мое переполнялось болью, которая с какой-то остротой врезалась в сердце. Тайна смерти на мгновение коснулась моего сердца, ужаснула, а вместе с тем внесла

* Неизданная рукопись о. Василия (1956). Печатается впервые.

в душу сознание наличности иного мира — закрытого, но реального... О детских суевериях, которыми нас в обилии снабжала прислуга, вспоминать не стоит.

Когда мне было 14 лет, я к этому времени был уже очень развитым мальчиком. Кроме русской литературы я уже читал Шекспира, Шиллера, Диккенса. Когда мне впервые стали попадаться биографии замечательных людей (в серии, которую издавал Павленков "Жизнь замечательных людей"), попалась мне биография Белинского, написанная кем-то из его восторженных почитателей, я с удивлением и горестным недоумением узнал о том, что в последние годы жизни Белинский был неверующим человеком. Этого я никак не мог связать с тем образом идеалиста и горячего апологета человечности, каким рисовался мне Белинский. Как может умный, даровитый человек не верить в Бога, — спрашивал я себя и не мог разрешить этого недоумения.

Когда мне исполнилось 17 лет, мне попались сочинения Писарева. Я прочел решительно все — для меня наступила пора страстного, нетерпеливого радикализма: Писарев разбил мои верования и вместе с тем надолго подчинил тому самоуверенному догматизму, который отличает все научно-популярные издания. У Писарева, как известно, был первоклассный популяризаторский талант — пишет он легко и увлекательно. Более всего меня поразило учение об эволюции мира, вся величавая и удивительная картина, какую рисует наука. Писарев не просто излагает современное естественное научное мировоззрение — он вместе с тем резко и беспощадно бичует "современную схоластику". В реализме, в публицистических обличениях Писарева было много правды, которая меня не могла не увлекать. Писарев втягивал меня в новый для меня мир, где высший авторитет и главная сила — наука, где доводом является позитивистическая формула Писарева: "Слова и иллюзии гибнут, а факты остаются". Во всяком случае мое прежнее религиозное миропони-

мание как бы стушеввалось, без боя сдало все свои позиции. Я безраздельно подчинился "истине" научной мысли, — хотя было мне это больно и даже мучительно; но разве можно не признавать истины и жить неправдой? Религия не отвергалась прямо в том, что мне открывалось в мировоззрении Писарева, — она просто была признана умершей, ненужной "иллюзией". Я живо помню, что мне было горько и больно на душе, но что же было делать, раз мне открылось, что истина не на стороне религии?

Преподавателем "Закона Божия" был у нас в гимназии очень образованный и умный священник — о. Андрей Коровицкий. Меня чрезвычайно воодушевляли его уроки — особенно когда я проходил богослужение. Службы церковные я хорошо знал, так как был певчим; очень любил я все службы, особенно торжественные. Но когда "писаревщина" отравила мою душу, то, хотя я, конечно, продолжал ходить в церковь (будучи в пансионе при гимназии, я не мог уклониться от службы), но уроки Закона Божия сразу потеряли для меня всякий интерес. Я не поверял никому, а тем более священнику, своих религиозных сомнений и отрицаний, выполнял все, что в отношении Церкви требовалось, но с каждым месяцем я все более отдалялся от религиозного мировоззрения. Когда мне было 16 лет (я был в 6 классе гимназии) мы стали изучать физику, и в талантливом изложении нашего учителя физики (Г.Н.Флоринского) я находил все более вдохновения, чтобы радикально уходить в сторону атеизма. В этом же году я читал бойко написанную книгу Дренера — "История умственного развития Европы", Бокля ("История цивилизации") и проникался все более мыслью о "реакционной" и "ретроградной" природе всякой религии... В этом же году я писал драматические этюды. Одна драма в 4-х актах имела своим героем профессора физиологии, который теряет веру благодаря ее несоединимости с наукой,

но чрезвычайно страдает от этого, скорбя, что наука изгнала из его души религиозный мир...

Увлечение системой научного мирозерцания не помешало мне задумываться над вопросом, который меня начал тогда сильно занимать, а именно: как объяснить возникновение *сознания*? Еще не зная психологии, но понимая, что на основе материализма трудно раскрыть именно тайну сознания, я много размышлял на эту тему и написал целый этюд, цель которого состояла в том, чтобы "вывести" сознание из чисто физиологических процессов.

Мне было 17 лет, когда в мои руки попала замечательная книга Геффдинга "Очерки психологии". Этой книге, которую я не просто читал, но можно сказать — изучал, я считаю себя в разных отношениях чрезвычайно обязанным. Прежде всего она пробудила у меня вкус к психологии, который, как я отметил, у меня уже проявлялся раньше, но был чрезвычайно неправильно ориентирован в тонах материализма. Серьезные и глубокие анализы Геффдинга, вся система психических функций, так тонко и по-настоящему анализируемая, — все это дало мне неизъяснимое наслаждение. Навсегда полюбил я науку, *исследование*, как таковое, полюбил точный, кропотливый, но доходящий до последних глубин анализ. Геффдинг вместе с тем радикально излечил меня от материализма и сделал возможным критицизм в отношении скороспелых естественно-научных построений; подготовил почву для философии. Когда же я прочел с чрезвычайным вниманием оба тома Ланге "История материализма", — во мне началось духовное освобождение. Я понял, что построения материалистического характера не могут быть удержаны, а с этим падали те самые идеи, которые вытесняли во мне религиозный мир. Там же я познакомился впервые с учением Канта, с указанием на то, что наука и религия, находясь в разных планах духовной жизни, никогда не могут противоречить одна другой. Я еще не окончил гимназии, когда во мне это духовное

В.В. Зеньковский в 30-е годы.

освобождение стало приносить свои плоды. Детская вера не возвращалась, но уже не было того угнетенного состояния, которое было раньше. Душа моя всецело увлекалась науками и философскими интересами, но к религии была равнодушна, словно потеряла вкус к Церкви. К этому присоединились, кроме того, что было в сфере "ума", иные причины — первая "личная" драма, охладившая душу, но факт состоял в том, что религиозная сфера меня не интересовала, что вся страстная и напряженная работа души уходила в научно-философскую, отчасти морально-общественную область.

Когда я окончил гимназию и поступил в Университет (на "естественное" отделение), в течение летних каникул я по одному случайному поводу начал писать небольшую работу о Гоголе. Я перечел все его сочинения, — и в его знаменитой "Переписке с друзьями", его Исповеди и теоретических отрывках, а потом в изучении его переписки передо мной открылся впервые мир русских религиозных исканий. Небольшая работа о Гоголе, которая легла в основу моих будущих занятий им, приближала меня к религиозному миру, во мне еще ничто не дрожало, еще оставалось закрытой, замершей моя душа в этом отношении, но объективная ценность религии, уважение к ней все громче рисовалось передо мною.

В Университете я с головой ушел в научную жизнь, был всецело поглощен ею. Освобождение от "личной" драмы шло медленно, но душа моя больше и глубже отходила от всяких "чувств".

На Пасхе 1903 года — мне было уже 22 года, я был уже на 3-м курсе естественного факультета — брат мой Александр привел к нам в дом некоего Влад. Ник. Лашнюкова, сослуживца его по одному учреждению. Лашнюков заговорил со мной о значении и смысле Пасхи, — и на мое скептическое отношение к реальности Воскресения Христа — стал развивать апологетические идеи в защиту его реальности. Слушая его, я должен был добросовестно признать, что мое небрежное

и равнодушное отношение к Христианству было несоединимо с научной совестью, — я признал, что я должен, если хочу остаться при своем отрицании, тщательно изучить всю литературу о Христе, что религия не может быть просто "терпима", что она связана слишком глубоко с самыми важными сторонами духа, чтобы я мог оставаться при прежнем отношении. Я без колебания отдался изучению Христианства, на что у меня ушло около двух лет непрерывной и неустанной работы — я отдавал решительно все свободное от студенческих занятий время изучению основ христианства, истории Церкви и т.д.

Новый мир открылся передо мной. Я не только принял в себя умом всю истинность и силу христианства, не только в чтении Св. Отцов проникся тайною церковного разума, но я без колебаний принял центральность религиозной сферы, центральность для мировоззрения, для души. В завершении всей этой работы я имел возможность прочитать все сочинения Влад. Соловьева, который имел на меня тоже громадное влияние — и по четкости разных богословских его формул, по его всепроникающему и универсальному историзму и, наконец, по его философской широте и основательности. Переход на сторону религиозного мировоззрения во мне совершился до конца, безраздельно.

Хочу еще отметить одно литературное мое переживание, имевшее тоже немалое влияние на *эмоциональное* восприятие христианства — я имею в виду книгу "Les Misérables" В.Гюго. Это было в 190 году. Я жил в качестве репетитора в семье И. недалеко от Днепра. Это была старинная прекрасная усадьба с превосходной библиотекой; в усадьбе, кроме моего ученика и его матери, высоко интеллигентной женщины, никого не было. Здесь я нашел "Les Misérables", которых никогда раньше не читал; впечатление, произведенное на меня этой книгой, было поистине исключительное. И образ еп. Бьенвеню, и самого Жана Вальжана, бесчисленные и часто очень глубокие,

и часто очень удачные по форме размышления на религиозные темы самого В.Гюго — все это падало в душу и что-то зажигало в ней. Я был больше чем взволнован — я был потрясен и часто чувствовал, что глаза наполняются слезами. На всю жизнь осталась в душе моей благодарная память о В.Гюго, имя которого я люблю помянуть среди тех умерших писателей, которым я чувствую себя обязанным.

На этом кончается первый период в истории восстановления у меня религиозной жизни. Перехожу ко *второму* периоду.

Я считаю вторым периодом в своей религиозной жизни то время, когда я стал уже литературно выражать свои религиозные убеждения. Надо, однако, заметить, что в то время, как *интеллектуальная* преданность христианству определилась у меня очень рано, отношение к *Церкви* еще долго оставалось вялым и неопределенным. И даже странно: я ходил в Церковь *как бы украдкой*, не желая обращать на себя внимания. Не думаю, что это зависело от какой-либо незаконченности или нерешительности в религиозных убеждениях. Не думаю этого потому, что, например, отчетливо помню, что до моего знакомства с С.Н.Булгаковым (см. ниже) я чувствовал к нему некоторое отталкивание — за то, что он на одной лекции, на которой я был, как бы игриво или легкомысленно отозвался о церковности... Может быть, я был и неправ о нем, но тогда мне почувствовалась эта черта, и она меня оттолкнула от него. Не думаю, что если бы у меня самого была какая-то нерешительность к Церкви, что я мог бы иметь такие чувства к Булгакову. Насколько я себя знаю, думаю, что мне не хотелось тогда другим открывать то, что пока творилось внутри, что я тщательно избегал того, чтобы быть вместе с теми, кто афишировал свое отношение к Церкви.

Лашнюков после упомянутой выше беседы стал часто приходить к нам в дом и беседовать на религиозные темы. Он, будучи сам журналистом (и поэтом), и назвал меня в "лите-

ратурную работу". Он предложил мне принять участие в еженедельной газете "Юго-Западная Неделя" и вести там религиозно-философские "фельетоны", и давать библиографические заметки. Журнальчик этот успехом не пользовался — его религиозное направление никого не увлекало. Сам Лашнюков был бесспорно талантливый человек, его статьи (и стихотворения) были часто очень хороши, но журнальчик расхотелся очень плохо и через полгода кончился. Лашнюков и сам пристроился, и меня позвал в Харьковскую газету "Юго-Западный Край", где мне отводили под философский фельетон место раз в неделю. Я приобрел вкус к литературной работе и писал там больше полугода; из статей мне запомнилась лишь статья о книге Шестова "Апофеоз беспочвенности". Статья моя называлась "На скользком пути"; она очень понравилась моему учителю, проф. Г.И.Челпанову, дала мне тогда же случай близко познакомиться с самим Шестовым.

Между тем у Лашнюкова зимой 1904/5 г. зародился новый план — издания *христианской* газеты. Это было уже во время "весны", провозглашенной кн. Святополк-Мирским. Лашнюков сговорился с С.Н. Булгаковым (который до лета 1905 г. оставался в Киеве) и настоял на моем знакомстве с С.Н. — это было приблизительно в феврале 1905 г. К этому времени у меня уже сложились знакомства с профессорами Киевской Духовной Академии, особенно с П.П. Кудрявцевым и В.И. Экземплярским. Встречи с Булгаковым шли довольно интенсивно; было решено, что Б. привлечет Московскую группу (Флоренского, Эрн, Свенцицкого, Волжского); Волжский переехал на время в Киев, и я узнал его тогда ближе. Газета, для которой мы придумали название "Народ" — должна была быть ежедневной. Издателем брался некий Винокуров (к литературе не имевший решительно никакого отношения — его увлек тот же Лашнюков, уговоривший его для начала вложить 10.000 руб.), официальным редактором значился Лашнюков. В газете этой каждый день появля-

лись и мои статьи (я помню только об одной под названием "Либерализм и социализм"), мы втроем (Булгаков, Лашнюков и я) были внутренне ответственной группой. Газета расходилась недурно, но средств, отпущенных на нее Винокуровым, явно не могло хватить, — и мы сознательно берегли газету, имевшую яркий "христианско-социалистический" характер. Газета, действительно, на 8-м номере была закрыта, что выводило нас из необходимости самим, из-за отсутствия денег, прекратить издание. Булгаков был до крайности возмущен — не Винокуровым, на которого и рассчитывать нельзя было, а Лашнюковым, который решительно утверждал, что за деньгами дело не станет. Выписка Волжского и Свенцицкого одна чего стоила! Вообще Лашнюков показал себя в этом деле достаточно легкомысленным.

Так или иначе, существование газеты оборвалось, с чем кончилось и мое литературное "исповедничество" и открылись новые пути. Я сблизился за это время не только с Булгаковым, но и с профессорами Киевской Духовной Академии (ее "левой" частью), и осенью 1905 г. мы решили открыть в Киеве Религиозно-Философское Общество. Булгаков еще летом переехал в Москву (с этого времени у меня началась с ним постоянная переписка, иногда чрезвычайно оживленная и объемистая. У меня хранилась очень большая пачка писем Булгакова ко мне, — но все это погибло, когда в 1919 г. мне пришлось спешно уезжать из Киева за границу).

Первым председателем Рел. Фил. Общества в Киеве был В.И. Экземплярский, я был товар. Председателя, хотя был еще только студентом Университета. Но к этому времени у меня уже стало складываться научное имя (еще с 1902 г. я стал печатать статьи по психологии и философии — в "Педагогической Мысли" — ее издавал прив. доц. И.И. Челпанов). У меня уже была переработана в большую книгу моя прежняя небольшая работа о Гоголе; я ее читал в ряде рефератов у проф. Н.П. Дашкевича, который мне ее очень хвалил и брал-

ся через Овсяннико-Куликовского пристраивать ее в "Вестник Европы". Но Овсяннико-Куликовский, хотя и дал хороший отзыв о работе, но требовал, чтобы я ее разбил на ряд отдельных этюдов, что тогда было для меня неинтересно, и я отказался от его предложения. Доскажу кстати историю этой моей работы. В 1910 году Булгаков предложил мне переработать мою книгу для серии биографий, которые издавало упомянутое выше Московское издательство "Путь". Я охотно согласился и переработал, несколько сузив работу (она должна была быть посвященной только религиозному пути Гоголя). Но и тут меня ждала неудача — я мог вместить мою работу лишь в 2 тома. Булгаков и Бердяев оба решительно настаивали на том, чтобы я сократил книгу вдвое. Я никак не мог согласиться на это и разорвал соглашение с ними... Позже, когда в 1915 г. Экземплярский (уже тогда уволенный из профессуры в Киево-Дух. Академии — см. об этом дальше) вместе со всеми нами (деятелями Рел.-Фил. Общества в Киеве) стал издавать журнал "Христианская Мысль", то там было напечатано первые три или четыре главы моей книги (около 10 печатных листов). Это — единственное, что вообще увидело свет из всей моей работы о Гоголе.

Итак, в 1905 году мы открыли Рел.-Фил. Общество имени Влад. Соловьева в Киеве. Я вместе с другими делал часто доклады; очень помню историю, связанную с одним моим докладом, который носил название "Об историческом христианстве". Он был по существу направлен против моих друзей по Дух. Академии: их критицизм в отношении к церковной традиции (мои все друзья принадлежали к церковным радикальным кругам) возмущал меня давно, — и я решил однажды выступить прямо и решительно против того, что я называл — "церковным нигилизмом" (в резком отвержении церковного радикализма тогда чрезвычайно со мной сходился Булгаков). Доклад мой был принят не холодно, а болезненно — но надо сказать, что с того времени у моих друзей

много в их высказываниях стало носить другой характер.

В 1911 или 1912 г. "Путь" решил издать сборник, посвященный религиозным взглядам Л.Н. Толстого (под названием "Религия Толстого") — я туда дал статью под названием "Имперсонализм в религии Толстого". Дал туда статью и Экземплярский, который в статье сравнивал этический радикализм Толстого с воззрениями И.Златоуста. После этого Св. Синод, давно негодовавший на Экземплярского за его решительную борьбу с защитниками смертной казни, нашел в этом сравнении достаточный предлог, чтобы уволить Экземплярского. Тогда же всем профессорам Дух. Академии официально было запрещено принимать участие в Рел.-Фил. Обществах. Экземплярский отказался от звания Председателя Рел.-Фил. Общества (хотя он был уже уволен от профессуры), и мне пришлось быть его Председателем (с 1911 г.). Я к этому времени уже окончил Университет и готовился к магистерскому экзамену.

Кроме публичных собраний Р.Ф. Общества, в которых профессора Дух. Академии могли принимать участие лишь по особому приглашению (как приглашение лектора, не как члена), у нас каждые 2-3 недели устраивались в частном доме (обыкновенно у А.Л. Иваницкой, позже монахини в Пюхтицком монастыре под Нарвой, ныне живущей в Америке). Эти собрания очень много давали мне потому, что в них говорили "до конца", не стесняясь. Здесь окрепло мое отношение к церковным проблемам; я во многом принял формулы наших академических профессоров.

Теперь совсем вкратце расскажу о том, что считаю дальнейшими фазами в моей религиозной жизни.

Другое, что должен упомянуть, — это все, что религиозно было связано для меня с падением монархии, большевизмом и затем участием моим в украинском правительстве. Об этом я достаточно рассказал в своих мемуарах (под названием

”Пять месяцев у власти”), которые находятся в Архиве русском в Праге.

Отъезд из России, встреча с русской молодежью в Белграде, возникновение Русского Христианского Студенческого Движения, мое участие и работа в нем, — все это рассказано мной в воспоминаниях, касающихся Р.С.Х. Движения.

Остается досказать то, что началось с 1/IX 1939 г.

* * *

Но тут мне хочется остановиться и поговорить о другом — о своих ошибках, — не грехах, о чем здесь неуместно писать, а именно об ошибках. Сейчас, когда я это пишу, мне ”стукнуло” 75 лет — как раз и время оглянуться.

Ошибок, конечно, было у меня без конца, впрочем, если бы я начал заново жить, некоторые ошибки я все равно повторил бы — настолько они вытекали из самой души моей.

Первой крупной ошибкой моей жизни было то, что я потратил на Университет 9 лет. Я не мог не поступить на естественный факультет по окончании гимназии — я был тогда зачарован еще позитивизмом, успехами естествознания... Но уже в конце первого года, когда я стал посещать семинар Т.И. Челпанова, а особенно после 2-го года, когда мои философские интересы выступили на первый план — зачем я кончал естественный факультет? Думаю, что здесь проявилась и широта моих научных интересов и неумение трезво учитывать условия моей жизни. Достаточно сказать, что уроки я давал все время от 4-х до 8-ми часов в день в разные годы (это было неизбежно по условиям моей семьи); при этих условиях ненужной и вредной роскошью надо признать пребывание в Университете 9 лет! И ненужно было так углублять знания, которые потом забылись (электрохимия, электрофизиология и т.д.), — сколько я читал, сколько изучал тогда! На филологическом факультете — тут уже ничто не пропало, так как историей, литературой я занимаюсь доныне.

Тут была еще другая черта, которая есть, конечно, слабость во мне — *я не строю сам свою жизнь* — я строю планы, то, что дается легко, я и делаю, но не более. Почему я не женился на Э., которая любила меня? Она с семьей уехала в Орел, а я так и не "догадался" поехать в Орел, зафиксировать с ее родителями наши отношения до времени, когда я кончу Университет. Э. меня ждала 5 лет! Но когда из писем она узнала, что я перехожу на другой факультет, т.е. что надо ждать еще 4 года, ее уверенность в том, что мы повенчаемся, растаяла, — она, не без влияния родителей, приняла предложение одного человека, полюбившего ее. Но вот что странно: не женился я по какому-то пассивному отношению к своей судьбе, а вышло (оглядываясь на все годы назад), что это не было глупой случайностью, но что это было связано с таинственным логосом моей жизни. Не случайно еще два моих романа, глубоких и сильных, кончились вничью...

Неумение и потому нежелание "строить свою жизнь" (что не означало во мне неумения принимать большие решения) так и до настоящего времени типично для меня. В общем, если мне все удавалось (в внешнем смысле слова) в жизни, то это меньше всего зависело от моей активности — я только не мешал своей "судьбе" рисовать рисунок моей жизни. Без всяких шагов с моей стороны я был оставлен А.Н. Гиляровичем для подготовки к профессорскому званию. Без малейших усилий с моей стороны я попал в 1913 и 1914 г. за границу (Германия, Италия, Австрия). Независимо от меня я сразу по выдержании магистерского экзамена получил обязательный курс в Университете. Мне везло в внешних путях жизни, — я не противился своей судьбе, но и не делал ее сам.

Когда я вошел в состав преподавателей Института дошкольного воспитания, через 2 года меня неожиданно выбрали в Директора его. Я не противился; у меня и тогда и никогда вообще не было ни честолюбия, ни тщеславия, но я не противился особенно ничему. Выбрали директором — хорошо,

пусть будет так... Но это накаплило мой общественный опыт. Когда Экземплярский отказался от Председательства в Рел.-Фил. Обществе в Киеве — я не противился, когда меня избрали Председателем.

Но вот, что уже было настоящей и ненужной ошибкой в моей жизни, очень много создавшей мне позже осложнений — это непротивление деятелям Украинского Народного Университета, когда меня упросили читать (по-русски! по-украински я никогда не умел говорить) лекции по истории философии.

Правда, у меня были некоторые "мотивы" для этой "ошибки": отец мой, принадлежавший к так называемым "украинофилам" (он входил в группу проф. Антоновича), заложил у меня любовь к украинской песне, отчасти к поэзии. В Дошкольном Институте девицы украинки (шел 1916 г., с украинцами правительство заигрывало) просили разрешить устроить детский сад "на мове". Я разрешил; мне, либералу, каким я был тогда (да и теперь я все тот же), казалось, что свобода есть волшебный ключ, открывающий самые замечательные проблемы...

Вот я и стал профессором Украинского Университета. А когда собрался первый всеукраинский съезд духовенства и мирян и меня устроители позвали туда — я пошел. Так как у меня уже было имя, то естественно, что меня выбрали в епископский Совет. А при созыве отдельного украинского Собора (с благословения Патриарха) меня выбрали в Товарищи Председателя. Я и здесь не отказался... Отказался только выставить свою кандидатуру в Украинские Митрополиты (что и было просто благоразумно). Но моя украинская "карьер" этим не окончилась, — попал я, совсем уже *против своей воли*, в Министры исповедания при Гетмане. Но друзья по Духовной Академии и Рел.-Фил. Обществу настаивали — я не сумел противиться. Увы! Ни честолюбия, ни славолюбия у меня не было, но я видел (насколько тогда

вообще что-либо можно было видеть), что я нужен действительно, что с моими данными я, может быть, смогу что-нибудь сделать для церковного *мира*. Этот мотив победил мое сопротивление.

Я кое-что и сделал — но за свое украинство я и пострадал — мне пришлось покинуть родину, свою маму, уехать за границу... И снова — мое "непротивление" оказалось как бы провиденциально ценным, — вся моя работа (единственное, чем поистине могу похвалиться) с молодежью, т.е. создание Русского Студенческого Христианского Движения — как бы показывает, что именно так и нужно было, чтобы я был выброшен за границу. Я не делаю никаких мистических обобщений из этого, но правда, странно все это: оглядываясь на прожитую жизнь, я вижу в ней какую-то логику, рисунок которой был создан не мною, но выявлению которого содействовало мое пассивное отношение к судьбе.

Но вот в 1920 г. я в Белграде. Меня считают другие русские профессора правым, левые мне не дают никакого места в Университете. Я терплю, — но все же когда меня позвали в преподаватели русской литературы в Сараевский Кадетский Корпус, я воспротивился — уж очень было грустно расстаться с университетской "карьерой". "Случай" меня вскоре выручил, я получил сразу приглашение на два факультета в Белграде — на богословский и философский, сам не приложив к этому никаких усилий.

Когда образовался в Белграде первый православный кружок из студентов, они, зная меня уже по лекциям, пригласили быть *членом* его. Я пошел — и опять без всякого желания что-либо предпринимать со студентами. А все же получилось огромное дело из этого моего сближения со студентами.

В 1923 г. мой брат, живший тогда в Праге, добился моего приглашения в вновь организованный Русский Педагогический Институт (он встретил сопротивление со стороны его

Директора С.А. Острогорского). Я переехал в Прагу не по своей инициативе... Мне было грустно, тяжело покидать Белград, моих юных друзей; если бы *они* сказали мне тогда решительно, чтобы я оставался, я бы остался. Но они не настаивали, и я сам... отдался снова течению событий, не мною создаваемых. И снова оказалось — из этого *случайного* факта, из этого моего непротивления вышла (снова не по моей воле) новая работа. Русское Студенческое Христианское Движение именно в Праге чрезвычайно выросло, организовалось, — и не будь я там, это утверждаю решительно, не было бы того, что было (ибо главные года, помимо меня "деятели" — Никитин и Липеровский, хотя и были сами людьми православными, но держались направления "интерконфессионального", — с которым православным людям не по пути. Среди вещей, которые я могу считать своей заслугой — это утверждение православного типа работы в нашем Движении).

Я не считаю поэтому "ошибкой" то, что я покинул Белград, — а если вспомнить, что через несколько лет вспыхнула распря между т.наз. Карловацкими архиереями и м. Евлогием (на стороне которого были все мои симпатии), то ясно, каким счастьем обернулось для меня то, что события, помимо меня сложившиеся, увели меня из Белграда в Прагу...

О. Василий Зеньковский

ОЧЕРК ВНУТРЕННЕЙ МОЕЙ БИОГРАФИИ

(Отрывок)

... Отъезд из Белграда не разорвал моих новых связей с молодежью на религиозной почве: в том же 1923 г. состоялся в Чехии съезд русских религиозных кружков, молодежи из всех стран рассеяния. Я принял живое участие в этом съезде, который положил начало Русского Студенческого Христианского Движения (председателем которого я состою до сих пор). Эти три новых дела — ведение Педагогического Бюро, лекции в Педагогическом Институте и ведение Русского Студенческого Христианского движения заполнили меня совершенно. Я не бросал научной работы, но мое время и моя душа. Я не бросал научной работы, но мое время и моя душа были преимущественно отданы этим делам. Уже в эти годы (как и в дальнейшие) я много ездил по всем собраниям русского рассеяния (от Финляндии до Болгарии). Но в 1926 году чешское правительство прекратило свою субсидию Педагогическому Институту, и я, воспользовавшись предоставлен-

* Вестник РСХД, № 66-67 (III-IV), 1962.

ной мне Рокфеллеровской стипендией, поехал в Америку со специальной целью — изучить постановку религиозного воспитания в Америке.

Я пробыл в Америке 9 месяцев и вернулся в Париж летом 1927 г. — где уже и остался как профессор Богословского Института. С 1927 г., в мою жизнь вошло еще одно дело — Религиозно-Педагогический Кабинет. С этого же времени началось усиленное мое участие в различных международных экуменических комиссиях и съездах. Это же связало меня и с православными странами на Ближнем Востоке. Описать все то, что приходилось мне делать и писать за это время не могу, — это потребовало бы слишком много места.

Жизнь текла густым, непрерывным потоком. В 1938 г. я был на съезде в Швеции и оттуда проехал в Финляндию, чтобы навестить о. С. Четверикова, жившего тогда в Валаамском монастыре. На несколько дней погрузился я в тихую жизнь монастыря, — это было видение старой России в ее монастырском лике. А в 1939 г., вспыхнула вторая мировая война, — и за день до объявления войны французские власти арестовали меня и вместе с другими "suspects" отправили в Santé (1). 40 дней прожил я в одиночной камере, не был ни разу допрошен. Священника со св. Дарами допустили ко мне впервые через 3 недели... А через 40 дней пребывания в Santé отправили на юг в лагерь Vernet. И там меня не допрашивали, но жилось легче там — я был среди людей, мог работать (много писал). Американские друзья устроили мне возможность уехать в Америку; все было готово, но за несколько дней до отъезда я, по приказу немецких властей, был вызван в Париж, как "свидетель" по неизвестному мне делу. Немцы охотились за одним человеком, бывшим в лагере, но хотели прикрыть этот вызов одновременным вызовом по *фиктивному* делу других лиц, в число которых попал и я. Так кончился мой арест (длившийся в целом 14 месяцев), я был возвращен к своей обычной деятельности.

Пребывание в одиночке в Santé, а затем в лагере привело меня к решению принять священство. Митрополит Евлогий рукоположил меня (в марте 1942 г.). Еще до войны я был приглашен к участию в Епархиальном Совете (как мирянин), после рукоположения остался в составе Епарх. Совета; после 1953 г., пришлось стать председателем Еп. Совета, от чего я смог освободиться лишь в сентябре 1957 года...

В последние годы я усиленно работаю над выработкой основ христианской гносеологии. Вчерне книга моя написана, но я без конца продолжаю перерабатывать текст. Надежды напечатать эту книгу нет, — поэтому где могу, печатаю отдельные главы.

О других многочисленных статьях, написанных за последнее время, упоминать не стоит. Пора бы все собрать в цельном издании, но эта задача в условиях эмиграции неосуществима.

МОИМ ДРУЗЬЯМ*

Я пишу эти страницы для моих друзей, мнением которых я дорожу, но ошибочные суждения которых обо мне меня часто ранят. Но я не могу и осуждать их за это — я обязан однако друзьям — и только друзьям — объяснениями тех разных моих дел и отношений, которые они, не зная всех фактов, неправильно (с моей точки) освещают. Я вовсе не хочу этим сказать, что я всегда был прав — расхождение в оценках фактов почти неизбежно даже среди самых близких людей. Но дело идет *не об оценках, а о фактах*.

Если бы ошибочные суждения обо мне касались только моей личности, моего характера и т.д. — это было бы только неприятной стороной моей жизни. Но как раз именно то, что я хочу здесь осветить, связано с теми или иными сторонами моей *деятельности*, т.е. входят составной частью в суждения о тех явлениях и фактах, которые были связаны с моим участием в них. Тем самым ошибочные суждения обо мне получают неизбежно иной уже характер, отражаются на понимании ряда явлений общего и даже исторического характера.

Однако я все же занят на этих страницах освещением

* Находится в архиве Колумбийского Университета США.

моего участия в разных событиях. Я дважды уже писал кое о чем: 1) Первый очерк "Пять месяцев у власти" (касающийся моего участия в Гетманском Правительстве на Украине) находился в Праге в Русском Архиве — но оттуда в 1947 г. был передан в Публичную Библиотеку в Петрограде. Недоступность для моих друзей этого очерка заставляет меня — хотя бы очень коротко — вновь записать самое главное из этого эпизода моей жизни. 2) Второй очерк — о моем участии в жизни Русского Студенческого Христианского Движения, написанный мной лет 5 назад, находится среди моих бумаг — поэтому этого эпизода моей жизни я здесь не буду касаться. (1)

Зачем будут написаны дальнейшие страницы? Прежде всего, чтобы помочь моим друзьям (насколько они этого хотят) понять разные факты из моей деятельности. А затем — и это гораздо важнее — помочь им в том, чтобы у них было что сказать моим хулителям. Таковых не очень много, но они есть...

I

Я хочу начать с того, что мне в моей жизни было всего дороже, что непрестанно и доньше действует во мне — о моей научной работе. Я *ненасытимо* люблю мир идей, люблю изучать разные отрасли знания; моя последняя специальность — философия — это как бы большая узловая станция, где скрещивается много разных путей. Потребность изучать, исследовать у меня сильнее, чем потребность синтеза, — и всегда у меня такая *aggrégée pensée*, что для синтеза еще не пришло *для меня* время. Ход моих всех внешних движений быстрый, но темп работы моей мысли не быстрый. Часто мне нужны дни и недели, чтобы я мог "поймать" свою мысль, формирование которой я в себе чувствую. Ужасно не любил я всегда, не люблю и ныне, тот тип мыслительной работы, когда сразу, так ска-

зять, по горячим следам какого-либо события или доклада, формулируют свое отношение. Это совсем вроде того, чтобы при варке варенья интересоваться только пенками, а не самим вареньем. Эта *медлительность* в самом формировании моих мыслей меня самого не раз шокировала; я знал и знаю, что очень часто, почти всегда, мое "настоящее" мнение, моя оценка тех или иных событий или построений сложится у меня "с опозданием". Даже более: с каким-то ревнивым чувством я оберегаю именно мою самостоятельность, когда у меня окончательно кристаллизуется мое мнение. Я не хочу сказать этим, что я претендую на "оригинальность": в сфере идей оригинальной продукции вообще мало; я только хочу, чтобы иметь возможность выразить то, что именно я думаю.

Еще при писании моей диссертации в Киеве ("Проблема психической причинности") я работал таким образом. Занятый вопросом, в какой мере и в какой форме закон причинности может быть применим к пониманию психики, я, после общего изучения главной литературы о проблеме причинности, написал *первый очерк книги*. Там было едва ли больше 6-8 печатных листов (около 100 печатных страниц), но когда этот очерк, в котором уже было изложено все основное, было написано то, что составило суть книги, то тогда я стал "бронировать" этот очерк, тщательно обрабатывая каждый параграф. Должен тут же заметить, что моя мысль яснее всего развивается во мне либо когда я читаю лекции (тогда я словнодвигаюсь по какой-то дороге, перспектива которой все время раздвигается), или пишу — вне вообще *выражения* в слове (устном или письменном) я мыслю туго и неясно. Тут есть, впрочем, несколько исключений: мысль моя достигает необыкновенной для меня ясности в дороге (в поезде) — особенно если я могу лежать. С другой стороны, мысль моя мне особенно ясна или ночью (когда не спится) или утром перед вставанием. Но часто — я начинаю писать в одном направлении (которое казалось мне ясным), но уже при самом

писании направление мысли порой совсем меняется — и при том "бесповоротно".

Возвращаюсь к моей диссертации. У меня от моего пребывания (в течение 4-х лет) на естественном факультете сложилось некое, тогда до конца не осознанное, но имевшее всегда огромное влияние на ход моей научной работы представление о правильном *типе* научной жизни. А именно: самое главное в научной работе — *избегать оригинальничания*. Это значит неверно и недостойно излагать свои мысли *только как свои*: надо непременно связывать их с тем, что было добыто или сказано *до* меня. Никто так не интересуется историей своей науки, на мой взгляд, как естествовик (как любопытны в отношении статьи по истории естествознания Вернадского В.И.): может быть, тут есть и некое тщеславие — как понимали раньше какое-нибудь явление и как теперь, в свете "моих" наблюдений и опытов надо его объяснять...

Так или иначе, но придавая своей книге ее окончательный вид, я считал долгом своей научной *совести* не забыть никого, кто когда-либо по тому или иному вопросу высказывался (если это, конечно, имело отношение к моей теме). Я никогда не забывал тут же дать характеристику работы того, на кого я ссылался ("прекрасный анализ", "замечательное исследование" и т.д.).

Но я должен признать, что сам старательно *отодвигал себя* в книге моей на задний план. Это не излишняя скромность — но здесь было больше заботы о "торжестве" той или иной идеи, чем заботы о своей "славе". В действительности — именно теперь, через 35 лет после того, как книга моя была написана, — я с большей силой, чем раньше могу сказать: в книге моей было всюду рассыпано *очень* много и новых, и оригинальных мыслей. *Пока* она все же остается и самой-сильной, и самой удачной, философски содержательной книгой из всего, что было мной написано. Увы, я сам очень виноват в том, что этого не заметили мои читатели.

Моя приверженность к темам психологии — и в специальных ее ответвлениях и в общих ее проблемах — оставалась реальной до середины 30-х годов XX в. — когда главный интерес у меня переместился в сторону богословия. Все же я написал большую книгу по Психологии для детства — в ней дан синтез всего существенного в этой области (к 1922). В известном смысле я остался верен изначальным своим интересам и тогда, когда обратился к темам педагогики (см. мой курс "Педаг. псих."), и тогда, когда обратился к христ. антропологии. Конечно, я сильно сейчас отстал от современной психологии, которой больше не занимаюсь (приблизительно с 1936-7 г.), и конечно, жалею об этом, — ибо если бы творческой силы и жизни хватило у меня, я осуществил бы план большой книги по фил. антропологии, где во 2-м томе были бы трактованы проблемы психологии.

Еще в 1922 г. по предложению сербской писательницы Исидоры Секулич (она, очевидно, хотела оказать форму материальной помощи мне) я читал (по-русски, но для смешанной русско-сербской публики) серию лекций на тему "Критика европейской культуры у русских мыслителей", — из чего вышла изданная на эту тему небольшая сербская книжка (перевод Ис. Секулич), а потом вышла и по-русски (в YMCA Press) та же уже большая книга ("Русские мыслители и Европа"). Собственно историей русской философии я занимался еще в России, и у меня было два шкафа недурно подобранных главных сочинений русских мыслителей...

Однако, интерес к русской мысли у меня оставался все время. После издания (по-сербски) книжки о "Русских мыслителях и Европе") Цитрон (издатель моей книги "Психология детства" и сборника, вышедшего под моей редакцией "Православие и культура") предложил мне составить план издания в нескольких томах "Истории русской философии". Я составил план на 3 тома с расчетом привлечь к написанию отдельных глав разными, проживавшими тогда за границей,

русскими учеными (Е.В.Аничков, Д.И.Чижевский, Е.В.Спекторский, Ф.В.Тарановский и др.). Этот план почему-то расстроился (кажется, нужно было слишком много денег, которых тогда мало было у Цитрона), но этот же план неожиданно вспыхнул в 1946 году. История этого несколько любопытна, и я ее расскажу.

В этом году я почему-то задумал прочесть 4-му курсу Богословского Института курс Истории русской философии (на этом курсе были (о.) Шмеман и Андроников). Андроников (и Шмеман) затеяли издание некоторых лекций (о. Киприана, Карташова, моих), — и действительно я для них начал писать полный курс Истории Русской Философии. Андроников, который тогда работал в издательстве Aubier, предложил мне перевести на французский язык мою книгу "Русские мыслители и Европа". Я согласился и был приглашен Aubier на завтрак, чтобы обсудить подробнее весь план. Во время этой беседы сам собой встал вопрос о желательности появления на французском языке полной истории русской философии, — и Aubier тут же заключил со мной договор, дал мне 5 000 фр. аванс. Я начал писать свою книгу для *французского* читателя, — этим кое-какие особенности ее и должны быть объясняемы. К сожалению, Андроников, который должен был переводить мою книгу на французский язык, в чем-то разошелся с Aubier и помимо меня сговорился с Gallimard, (что в том отношении меня устраивало, что у Gallimard, а секретарем является хороший мой знакомый Parain (женившийся на дочери моего учителя Т.И.Челпанова). В общем, я потратил на писание моей книги (2 томов) около 4 лет — и скажу откровенно, что я очень устал от этой работы — и потому, что ужасно трудно было раздобывать книги и потому, что часто из-за какого-нибудь не очень важного предмета приходилось бегать по библиотекам... К числу особенностей моей научной жизни принадлежит то, что если я пишу какую-нибудь работу, то я, можно сказать, "одержим" этой

работой — ничто меня не занимает, а скорее все раздражает, ибо отнимает время от главной работы.

Я сознаю, что 2-ой том мне меньше удался, чем 1-й — я много раз перерабатывал главы 1 тома, давал им "вылежаться" раньше, чем отдавал печатать на машинке, — когда же я писал 2-ой том, то некоторые главы написаны так, что я теперь бы сам их переделал (напр., главы о Соловьеве, о Бердяеве, может быть, о Карсавине). Меня упрекнули однажды в пристрастном отношении к Бердяеву и о. С.Булгакову; возможно, что это и верно, но если бы я теперь написал указанные главы, я едва ли изменил что-либо, кроме формы и порядка изложения.

* * *

Бегло коснусь других моих научных занятий и работ.

Я очень много отдал (и отдаю) времени и души занятиям по истории религии, — прежде всего в подготовке лекций по истории религии. Конечно, это столь обширная область, что никто не может почитать себя знающим весь материал, но если я почти во всех отраслях этой дисциплины не работал по первоисточникам, то монографий и специальных исследований я прочитал (да и теперь читаю) очень много. Две популярно написанные брошюры (Мистерии и христианство; О тотемизме) — это все, что я писал в этой области, но мне очень бы хотелось написать несколько этюдов по этой науке — особенно в защиту того, что я называю "христоцентрическим пониманием истории религии". Не меньше сил и времени взяли (и берут) у меня занятия по апологетике, — очень мне хочется издать свои "Чтения по апологетике" в Богословском Институте.

О разных отдельных статьях и этюдах не стоит писать; в общем, если собрать все, что напечатано мной и немало готовых к печати рукописей, то вышло бы пять больших томов (отдельных статей — и книг). В общем, я каждый год пишу

и издаю от 2 до 5 печатных листов — продукция, правда, немалая. Меня не раздражает и даже не огорчает то, что у меня нет славы как у ученого, — но это как-то задевает меня, словно я мало сделал в своей жизни в сфере науки, где я все же чувствую свое главное призвание. Я чувствую упрек себе в том, что меня как ученого не ценят, хотя я все же сделал немало, — и от этого в душе остается и некая горечь, а еще больше, мысль, что я не сделал всего, что мог бы сделать. Я помню, я в Академ. Группе, по просьбе Председателя ее, на общем собрании делал доклад (Основные течения в философии антропологии нашего времени). После доклада проф. В.Б.Эльяшевич с обидным для меня удивлением сказал: "Как Вы все это хорошо знаете и хорошо излагаете, я не ожидал..." Спрашивается, почему он (и не один он) "не ожидают" от меня, что я все же подлинный ученый? Ну, Бог с ними; я знаю только, что и сейчас, когда мне пошел 71-й год, во мне не остыли ни интерес к науке, ни склонность к новым построениям; не раз я сам себя упрекаю в том, что, имея в себе постоянно новые мысли и замыслы, я так мало их осуществляю. Увы, времени для занятий наукой всегда мне не хватало.

II

О своем участии в Р.С.Х.Д. я написал достаточно в своем специальном этюде об этом. Добавлю здесь (я не мог, конечно, в книге это писать): если я действительно сделал что-либо в данном направлении, то это связано больше с моей любовью к молодежи. Теперь у меня редко бывают вспышки "свежего" интереса — притом подлинного интереса — к молодежи, которая, в общем, сама шла мне навстречу. Но без хвастовства скажу, что я вообще люблю людей, — и люблю именно в их индивидуальности, в их своеобразии. Если угодно, это есть чутье к чужой душе, — но как раз с этим даром

моим от Бога связана одна особенность в моей общественной работе, которая постоянно навлекала (и навлекает) на меня упреки — то острые и ядовитые, то более мягкие. Я имею в виду обычную характеристику для меня — что я "конечно", "всегда" — *склонен к компромиссам*". Я считал и считаю этот упрек и тот смысл, который в него вкладывают, совершенно мной *незаслуженным*, но теперь (и уже давно) я сознаю, что реакция моих знакомых и друзей на мою тактику просто связана с непониманием того, что в действительности присуще мне. Во всяком случае, я хотел бы для всех, кто хотел бы добросовестно понять меня, объяснить, как я сам понимаю в себе то, что внешне так часто казалось компромиссом. Из дальнейшего будет видно, почему я связываю это с "чутьем чужой души".

Под компромиссом имеются в виду *две* разные вещи: 1) равнодушие по принципиальной четкости, к верности и соблюдению принципиальных положений, — подмена подлинного служения высшей правде разного рода "тактическими" шагами, имеющими в виду внешнее соглашение, которое предпочитается внутренней чистоте идей. *Этого рода компромиссы* я совершенно отвергаю в себе. 2) Второй тип компромиссов можно усматривать во всякого рода *реалистических* предложениях, как раз имеющих в виду *осуществление* высшей задачи в данных конкретных условиях жизни. Этот тип компромиссов совершенно противится всякому максимализму, противится всякому отвлеченному радикализму, противится также всякой нетрезвости, неучету реальных последствий тех или иных шагов. Этого рода компромиссы не только не означают отвержения основных принципов, но наоборот, они выражают условия их реализации (в данной обстановке). Конечно, такой "реализм" имеет свои границы, может быть спорным в своем конкретном выражении. Можно порой так склоняться на требования реальности, что

самые исходные принципы оказываются часто номинальными, уже никакого отзвука в жизни и практике не имеющими. *В каждом отдельном случае можно и должно ставить вопрос — допустим ли (с точки зрения верховных принципов) данный "компромисс", но самая идея компромисса, как учета реальных условий осуществления принципов, мне просто дорога.*

С самых первых дней моего вступления в работу кружков (до их объединения в "Движение") у меня установилась позиция "старшего, которого готовы *выслушивать* младшие". Так было уже в Белградском кружке (зима 19, 21-22, 1922-23 года), где я никогда не командовал, даже не вел "кружка, а был его рядовым членом". Конечно, вполне естественно, что и мой возраст (мне было уже 40 лет, а молодым членам кружка от 18 до 23 лет), и мое положение профессора (на 2 факультетах в Белграде — богословском и философском) и, конечно, мои знания, опыт жизненный, философские навыки, — все это создавало мой "авторитет". Но я боялся всегда т.сказ. "пускать в ход" эту мою "авторитетность". А когда создалось (в 1923 году после съезда осенью в Пшерове) Движение, и я был избран Председателем (Движения и Председ. Бюро), то я понимал свою задачу не в тонах "начальствования", а того, что я называю "соборованием". Я считал своей задачей *учить молодежь* осуществлять постановления задачи так, чтобы получалось всегда *внутреннее единство*. Это внутреннее единство не может и не должно покупаться насильем "большинства" над меньшинством, — поэтому во всех наших заседаниях *не было голосования*, а я, как Председатель, стремился найти формулировки, которые могли бы всех объединить. Надо было *учить вслушиваться в чужие мысли* (а не только слова); часто бывало, что члены собрания неуклюже и неясно выражали то, что думали, — и я *за них* формулировал "суть" их мыслей (за что меня часто благодарили неумелые ораторы).

ры), *освобождая* их мысли от острых и потому мешающих достижению единства выражений. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что я учил молодежь точности и *корректности* в выражениях: как известно, разногласия и споры (в семьях, в общественной работе) вспыхивают часто не вокруг существа мнений разных людей, а именно вокруг того, как эти мнения выражены. Есть натуры, которые любят именно "сильные" выражения — и когда я стремился в "резюме" (над которыми обычно подсмеивались, но которые на самом деле вели к тому, чтобы в итоге длинных споров обнаруживалось достаточное единство). *Сглаживать резкие выражения*, заменяя их конкретными (но точными!) установлением существа высказанных на собрании мыслей, тогда оказывалось, что уже не нужно и голосования, ибо в моем резюме оказывались в мирном и по существу приемлемом сочетании элементы разных мнений. Такова вообще задача и функция председателя собраний, а в Движении, которое, организуя кружки молодежи, имело в виду объединить всех вокруг Церкви, это особенно важно. Но когда доходило до принципиальной стороны дела (если этого требовала жизнь, а не просто радикальная постановка вопроса), то я никогда не стремился "замазывать".

Должен тут же заметить, что моя долголетняя практика общественной работы постоянно убеждала меня в том, что из-за словесных расхождений упускают существо дела, но и в том, что постоянно забывают (особенно в церковных делах) самый смысл "соборования". "Общее решение не есть какое-то *mixtum compositum*, не есть "арифметическое среднее" всех высказанных суждений, — оно "добывается" через откровенное и искреннее раскрытие разногласия и восхождение (в духе) на ту плоскость, в которой может быть найдено отвечающее данному положению решение.

В моем священстве (которому идет, когда я пишу эти

строки, уже 10-й год) есть некоторые черты, которые иных огорчают, других раздражают. Насколько я отдаю сам себе отчет в этом, хочу их изнутри объяснить.

1. Весь сложный ритуал богослужебный есть некое "одеяние", часто тяжеловесное, порой насыщенное повторениями, риторикой. Это есть "одеяние", под которым должен биться пульс молитвенной обращенности к Богу, "стояния" перед Богом. Мы, священники, от имени церковного народа постоянно обращаемся к Богу, — именно *прямо* к Нему. Это есть главное, здесь и вся зиждущая сила и самый камень богослужения. Конечно, перед народом в богослужении священник всегда "действует", "возглашает", — и вся "техника" этого, требующая неукоснительного внимания может у самого священника заслонять суть и смысл богослужения, — особенно когда оно, в силу навыка, становится как бы автоматическим. Наше богослужение, если угодно, есть некая "драматизация", составные части которой не всегда символичны, но чаще они мистичны, ибо они суть прямые и часто дерзновенно прямые обращения к Богу. Мы не можем при этом не помнить, что каждое наше движение, даже интонация при произнесении молитвы открыты, доступны молящимся, — но в то же время мы не актеры, выполняющие перед зрителями свою роль. "Драматизация" *не есть еще театрализация*, — мы не "играем роль священника", нам нужно самим молиться, когда от имени народа возглашаем молитвы Богу.

Фактически это часто если не забывается, то все же куда-то проваливается. Здесь выступает очень двусмысленно *типиконский буквализм*, строгое вычитывание всего, что полагается по уставу. Говорю, что это бывает двусмысленно, ибо формальное соблюдение устава нередко идет в ущерб живому религиозному чувству. Я лично *люблю* соблюдать устав, но не могу видеть в этом ничего абсолютного; я против импровизаций в уставе, вслгой отсебятины, но и против чистого формализма.

Не люблю я "сослужения", которое мне кажется поко-
ящемся только на *искании пышности*. Есть натуры, которых
увлекает пышность облачений, торжественные сослужения, —
во мне же всякая пышность вызывает и критику и резкое
отталкивание. Именно потому я никогда не надевал и ни-
когда не надену митры; камилавку надеваю я только когда
к нам в церковь приезжает епископ — ради него и народа.
А "сослужение" всегда ведь фиктивно — служит всегда ведь
"первый — священник, а не второй, третий и т. д."

ОЧЕРК МОЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ

В ранние годы я находился под большим влиянием Вл. Соловьева и Л.М. Лопатина, но постепенно мои взгляды стали меняться, — и здесь решающими для меня были размышления над понятием "личности". Гносеологический эмпиризм, с его сосредоточением всех актов познания на эмпирической сфере в человеке, — трансцендентализм с его открытием двойного состава знания, — все это отступило перед неизбежностью построения *метафизики человека*.

Если человек зависит от природы, от социальной среды, то все же бесспорным является в нем *факт свободы*. Но акты свободы, коренясь в метафизической глубине человека, получают свою творческую силу лишь при сочетании с благодатной помощью "свыше", — без этого они бессильны и почти всегда отдают человека во власть зла. Только используя богословское понятие "первородного греха", мы можем понять одновременно наличие свободы в человеке и ограниченность ее. Раз будучи принятым, понятие первородного греха неизбежно привело меня к пересмотру основных правил метафизики, а затем гносеологии. Без понятия первород-

* Вестник РСХД, № 66-67 (III-IV), 1962.

ного греха нельзя понять *раздвоение познавательной силы* в человеке (раздвоение разума и сердца). Учение отцов Церкви о необходимости *восстановления* утраченного единства человеческого духа через Церковь привело меня к пересмотру всех философских построений в свете христианства, и я могу дать лишь одно наименование моим взглядам: "опыт христианской философии".

В краткой форме, не аргументируя и не обосновывая, я так могу изложить основные идеи моей философии:

I. — Вопросы гносеологии

Если процессы познания предполагают эмпирический познающий субъект, то все же познание явно не вмещается в него (благодаря наличию трансцендентности элементов). Построения кн. С.Трубецкого о "соборной природе человеческого сознания" верны, но принять его идею "универсального субъекта", при всей ценности этой идеи, нельзя по одному тому, что остается непонятным, почему познавательные процессы, как раз могут "овладевать" объективным предметом познания. "Аксиома реальности", лежащая в основе познавательной активности, объяснима лишь при предположении, что субъект познания есть и "творец" самого бытия. Разум, понятый в духе Канта (как носитель трансцендентальных функций), как бы висит в воздухе; система трансцендентального *идеализма* (Фихте, Гегель) не может быть удержана *без метафизического истолкования субъекта познания*.

Христианство учит, что истина открыта не индивидуальному разуму, а *разуму церковному* — в понятии Церкви и надо искать метафизической опоры познания — там познание опирается на Абсолют, который есть в то же время Творец бытия. Только так можно изъяснить *реальность* познания. Но понятие "церковного разума" может быть изъяснено

лишь из учения, что глава Церкви есть Христос. Мы приходим к *христоцентрическому* пониманию знания, т.е. к признанию, что светоносная сила, создающая разум и регулирующая познавательные процессы, исходит от Христа (согласно формуле в Еванг. от Иоанна гл. I о Христе, как свете, "который просвещает всякого человека, грядущего в мир").

Это истолкование знания решительно отвергает принцип "автономии" разума, что требует пересмотра всех принципов современной науки.

II.— Вопросы метафизики

Разрыв с построениями Вл.Соловьева ведет к радикальному отвержению всяческих форм неоплатонизма и к утверждению, в качестве основного принципа метафизики, учения о *тварности* бытия (что вовсе не означает отвержения "самодетельности" земли, возможности ее эволюции). Законы же бытия, которые не могли бы возникнуть случайно или "сами собой", есть лишь проявления той "разумности" бытия, которая в него "вложена" творческой силой Бога. Эта "разумность" бытия определяется "идеями", положенными Богом в основу мира, но идеи в мире надо отличать от идей в Боге. Платонизм остается верным при дополнительном учении о "Премудрости" Божией, как *topos noetos*, от которого получают свое содержание и творческую силу идеальные начала в мире. Это могло бы привести к учению о "душе" мира, но в новой конструкции, свободной от элементов пантеизма.

В метафизике бытия невозможно использовать понятие "первородного греха" в соответствии с космологией Ап. Павла (Римл. гл.8, ст.19-23). Учение о "поврежденности природы" впервые разъясняет страшную силу "случайности" в природе, как расстройства первоначальной ее гармонии.

III. — Учение о человеке

Человек в метафизическом освещении являет с наибольшей силой действие первородного греха. Та цельная жизнь, которая сочетает в живое единство тело, душу и дух, *нарушается*, но не *разрушается* смертью. Воскресение людей в Царстве Божием восстанавливает утрачиваемую при смерти живую цельность жизни. Путь человека на земле стоит под знаком "креста" (у каждого человека, по учению Господа, "свой" крест, что обеспечивает несравнимость и совеобразие каждой личности), т.е. внутреннего закона, по которому может быть восстановлена утраченная (хотя в основе и не разрушенная) цельность в человеке. Отсюда понятна центральность в человеке его моральной жизни; освобождение от власти "душевных" движений, одухотворение всего состава человека есть вместе с тем наша подготовка к торжеству вечной жизни в человеке. Все педагогические усилия, какие вообще осуществимы, должны быть направлены на то, чтобы юное существо могло "найти себя", и творчески *преображать* свой состав, какой оно в себе находит, как взаимодействие наследственности, социальных и духовных влияний.

ГЛАВНЫЕ ТРУДЫ О. ВАСИЛИЯ ЗЕНЬКОВСКОГО

- Проблема психической причинности (1915).
- Психологий детства (1922), Берлин.
- Русские мыслители и Европа (1926-1927), YMCA-Press, Париж.
- Проблема воспитания в свете христианской антропологии (1939), YMCA-Press, Париж.
- История русской философии (два тома, 1948-1950), YMCA-Press.
- Наша эпоха (1955).
- О мнимом материализме русской науки и философии (1956).
- Русская педагогика XX века (1960).
- Н.В. Гоголь (1961), YMCA-Press, Париж.
- Основы христианской философии (1961-1962).
- Апологетика (1961).

Многие из этих работ переведены на французский, английский, немецкий, сербский, румынский языки.

Невозможно привести в этом сборнике огромное количество статей о. Василия, помещаемых на протяжении всей его жизни в разных периодических изданиях как на русском –

”Путь”, ”Вестник Р.С.Х.Д.”, ”Современные записки”, — так и на французском, немецком и английском языках.

Одно лишь перечисление областей, которые являлись объектом научной работы отца Василия, наглядно показывает его многостороннюю деятельность в научной сфере.

К таковым относятся:

- философия,
- психология,
- вопросы воспитания детей,
- русская культура,
- антропология,
- богословие,
- апологетика.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
А.В. Морозов. Краткие выдержки из жизнеописания о. протопресвитера о. Василия Зеньковского	9

I. СТАТЬИ И СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБ О. ВАСИЛИИ

Прот. А. Князев. Отец Василий Зеньковский	13
Б.К. Зайцев. Ушедшему	19
И.В. Морозов. Отец Василий — друг молодежи	22
Н.А. Струве. Памяти отца Василия	31
Прот. В. Юрьев. К кончине прот. В. Зеньковского (выдержки)	35
Марита Р. Гизетти. Памяти моего духовного отца (выдержки)	37
Проф. С. Верховской. Отец Василий Зеньковский	39

II. РЕЧИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ О. ВАСИЛИЯ

Прот. А. Князев. Отец Василий как церковный и общественный деятель	56
Н.К. Рауш. Отец Василий как человек и пастырь.	62
К.А. Ельчанинов. Отец Василий — философ	67
К.Я. Андроников. Отец Василий — богослов	71

III. ОТЕЦ ВАСИЛИЙ О СЕБЕ САМОМ

Из моей жизни	83
Очерк внутренней моей биографии (отрывок)	101
Моим друзьям (выдержки)	104
Очерк моей философской системы	117

БИБЛИОГРАФИЯ

Главные труды о. Василия	121
------------------------------------	-----

